

Александр Конторович

ТОРСКАЯ СЕРИЯ

ШТОРМОВЫЕ
ОСТРОВА
КНИГА ТРЕТЬЯ

Александр Сергеевич Конторович
Штурмовые острова
Серия «Музейный экспонат», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

Инопланетное вторжение вынудило Министерство обороны России создать особое воинское подразделение. В его состав вошел молодой старший лейтенант Дмитрий Ларин. На первом же задании Дмитрий вступает в поединок с командиром штурмового отряда инопланетного «черного корабля». Победа над противником принесла российскому офицеру неожиданный результат...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

110

Александр Сергеевич Конторович Штормовые острова

© Конторович А., 2018

* * *

– Браво-5 – Дельте-2!

– На связи Браво-5.

– Подтверждаю вход в зону неопознанного самолета. Высота четыре-ноль. Скорость один-семь-пять. Курс сто сорок. По характеру засветки предполагаю транспортный борт.

– Понял вас. Продолжать наблюдение.

И снова бежит по экрану радиолокатора луч развертки.

– Браво-5, цель снизила скорость. Предполагаю подготовку к выброске парашютистов.

– Понял, Дельта-2, снижение скорости.

– Фиксирую выброску парашютистов!

– Подтверждаю прием информации: самолет произвел выброску парашютистов.

– Цель меняет скорость и высоту.

– Продолжать наблюдение.

– Понял вас, продолжаю...

Когда привычный рывок раскрывшегося купола сигнализировал, что все идет в штатном режиме, я поудобнее устроился в подвесной системе и с интересом осмотрелся. Не каждый же день приходится прыгать с парашютом над территорией давнего и непримиримого противника! Будет что вспомнить!

Внешне – обычный горно-лесной пейзаж. И даже небо здесь точно такое же, как дома. Но...

Какая-то разница все же есть...

Для меня все это началось как-то буднично. Топая с обеда на стрельбище, я был выдернут из рядов роты нашим начальником штаба полка. Подполковник Краснов, подрулив на своем «уазике» к нашей колонне, приказал ротному остановиться.

Коротко переговорил с ним, и капитан окликнул меня:

– Ларин! В машину к подполковнику! Следовать с ним!

– Есть!

– Лейтенанту Михайленко временно заместить убывающего командира взвода!

– Есть! – откликнулся комвзвода-1. Теперь ему топать по жару на стрельбище. Не факт, что это хуже, – внезапный вызов к руководству редко когда бывает сопряжен с чем-то приятным.

Но Краснов мне ничего не сказал, только кивнул на заднее

сиденье.

Вот и штаб – невысокое двухэтажное здание относительно современной постройки. Ну как современной... лет пятнадцать, не более.

Поднявшись по ступеням, сворачиваю за подполковником в сторону его кабинета. Он расположен в небольшой пристройке так, что дежурный видит лишь начало коридора.

Подойдя к своей двери, Краснов неожиданно в нее стучит! Это в свой-то кабинет? Что за...

– Войдите!

Шагнув через порог, начштаба подносит руку к козырьку:

– Товарищ генерал-майор! По вашему приказу старший лейтенант Ларин доставлен!

– Спасибо, Дмитрий Петрович! Можете быть свободны...

Здрасьте, я ваша тетя!

Генерал?

В кабинете начштаба?

У комполка – это как-то более естественно было бы... во всяком случае – понятнее.

– Присаживайтесь, товарищ старший лейтенант, – кивнул он на стул.

Ну, когда прокурор... пардон, столь высокий чин предлагает присесть, то отказываться как-то уже и не принято. Сажусь, пододвигая стул поближе к столу.

– Значит, – заглядывает собеседник в лежащую перед ним

папку, – Дмитрий Михайлович Ларин... Родился, крестился, женился... ах, не женат еще? И как перспективы на этом фронте?

Пожимаю плечами.

– Пока неясные. Не то чтобы совсем облом... но и ясности особой не просматривается.

– Бывает, – кивает генерал. – Москва тоже не сразу строилась... Так, и что тут у нас еще есть? Окончил училище – ну, это-то как раз и понятно, фиг бы без этого на роту поставили.

Ну, это еще рано каркать, положим – всего лишь и. о., да и то на короткое время.

– Ага, вот это уже интереснее! – оживляется высокий чин. – Воевал?

– Пришлось. В составе разведвзвода.

– Угум... И в основном в тылу противника... Разведка, корректировка авиаударов и артиллерии. Нормально так побарахтались... И две боевые награды, я так полагаю, не за натирание паркета в штабе получены?

– Не за паркет, – коротко отвечаю я.

Он, конечно же, генерал, да и не просто так в этот кабинет попал. Небось, документы только что рентгеном предварительно не просветили. Но вот распространяться на тему своих наград я даже при нем воздержусь. Не просто так некоторые документы подписываются, знаете ли...

Собеседник с прищуром смотрит на меня и, не дождав-

шись ответа, кивает. И только сейчас замечаю, что он давно уже не перелистывает папку с моим личным делом. То есть этот хитрый дядя все по памяти шпарит? Что-то мне это совсем уже не нравится...

– Ладно, – усмехается генерал. – Будем считать, что предварительное знакомство состоялось. Вам такая фамилия – Снежный – говорит что-нибудь?

– Слон?

Собеседник прищуривается.

– Возможно...

– Да, говорит, знаю его.

– Так вот, он о вас весьма одобрительно отзывается. Говорит, что... – тут он меняет тон и совершенно в интонациях моего старого знакомого произносит: – «Этот сайгак еще далеко поскачет!»

– Ну, это он, положим, загнул...

– Не загнул, – абсолютно серьезно говорит генерал.

И от тона, каким это было сказано, по телу даже озноб прошел!

Поймите меня правильно!

Я давно уже не желторотый птенчик и из юношеского возраста вышел достаточно давно. Не скажу, что видел все, но и того, что успел, хватит, чтобы три раза поседеть... И чтобы какой угодно деятель одним только строгим тоном меня в дрожь вогнал – это, знаете ли, далеко не каждому по зубам! Комполка – тот может. Но Батя у нас мужик крайне серьез-

ный! И все это по своему опыту знают – успели уже на собственной шкуре прочувствовать. Раз уж он сказал – брито, то уж точно не стрижено...

Но – это наш комполка. А тут какой-то заезжий, хоть и в немалых чинах.

Так что я расслабился немного, даже на стуле подвинулся. Посмотрел на эти мои действия, снова усмехнулся и продолжил:

– Вам предлагается сменить место службы.

Нате-здасьте! Меня, в общем-то, и старое вполне устраивает. Тем более – перспектива ротного... это тоже, знаете ли, не каждый день такие возможности бывают. А на новом месте... так новичка завсегда на повышение выдвигать никто не спешит.

Об этом я честно и поведал.

Генерал кивнул, словно чего-то подобного и ожидал.

– Да и с командными постами вам там явно ничего не светит. Во всяком случае, пока... Единственное, что я вам могу предложить, – должность старшего группы. Личный состав – пять человек, вы шестой.

Понятно, две рабочие тройки. Знакомое построение, да и задачи, надо полагать, не сильно-таки неведомые. Однако старшего лейтенанта, почти капитана уже, на такую должность... не до фиги ли?

– Не впечатляет, если честно.

– Срок выслуги – год за четыре. Соответственно – и все

прочее. Звания, оклад и еще кое-что... Правда, райских условий службы я вам обещать не могу – напротив, будет весьма нелегко!

Год за четыре?

Это что еще за часть такая? Кого там надобно под плинтус заровнять за такие неслабые льготы? Ибо что-то – а такие плюшки явно не за красивые глаза дают! Я вот, руку на сердце положу, даже и не слышал про подобные подразделения!

– А что делать-то надо?

На столе появляется бумага. Ну ясно... опять подписка... очередная. Сколько таких уже я подписал...

«Не разглашать и не передавать, в любой форме, никому содержимое беседы...» Хм, а это уже что-то новое. Вот подмахнешь такую бумажку...

А впрочем – чем черт не шутит! Это же я не согласие подписываю на перевод, в конце-то концов?

Беру ручку и ставлю размашистую подпись.

Генерал внимательно (будто сам эту бумагу ни разу не читал...) просматривает документ и убирает его в папку.

– С этого момента все, что вы сейчас услышите, представляет собой государственную тайну. Особо охраняемую тайну. Это понятно?

Киваю. Что уж тут пояснять-то?

– Не слышу ответа!

– Да. Я все понял, товарищ генерал-майор.

Хорошо, если он такой уж буквоед... примем его правила

игры.

– Это подразделение – десантно-штурмовой полк особого назначения. Формально этой части вообще не существует. По документам – вы будете проходить службу в подразделении охраны РВСН. В должности старшего группы разведки. Все ваши письма, буде таковые последуют, станут иметь все реквизиты этой части. Непосредственным командиром у вас будет подполковник Снежный.

– А Слон уже подполковник?

Надо же как быстро происходит там повышение в звании! Хотя...

– Простите, товарищ генерал-майор, так это значит, что меня во внутренние войска переведут, что ли?

– С чего вы это взяли? – удивляется собеседник.

– Но ведь шахты РВСН охраняют именно они, так? И Снежный – он же из «вованов»...¹

– А... нет, это не ВВ. И ваш старый знакомый сейчас не носит крапового берета. Как, кстати, и вы – свой голубой берет можете убрать подальше. В части принята обычная общевойсковая форма. Но главное – оно ведь не в этом?

Ну... может быть, он где-то и прав...

– Ваша задача – проведение разведывательно-поисковых мероприятий в глубоком тылу противника. На незнакомом театре боевых действий, в длительном отрыве от своих частей. Вполне вероятно – и без соответствующего снабжения.

¹ Разговорное обозначение частей внутренних войск МВД.

Не исключено, что и все потребные для существования и успешной деятельности припасы вам придется добывать на месте.

Плавали – знаем! Бывало в нашей жизни и такое. Уж чего-чего, а патроны к «АК» добыть можно в любом месте земного шара! А уж еду отыскать...

Заметив мою усмешку, собеседник качает головой.

– Уверяю вас, что то, с чем вы там встретитесь, вам и в страшном сне не снилось.

В Арктику, что ли, отправить собираются? Там-то, да, с патронами к «калашу» напряг... да и с продовольствием не так-то уж и весело. Разве что тюленей жрать?

– Ничего, тюлень, говорят, вполне съедобная штука...

Генерал удивленно приподнимает бровь. Что, не ожидал встретить такого сообразительного старлея? А напрасно, мы тут тоже не лыком шиты!

– Вы согласны?

– Да, согласен.

Пишет он, что ли, нашу беседу? Но раз требует – буду отвечать развернуто и по всей форме.

И еще один документ пришлось подписать.

– Вы про «Наковальню» что-нибудь слышали?

Вот это он меня убил...

Вообще, как я понял из дальнейших пояснений, идея нанести ответный визит хозяевам «Наковальни» возникла почти сразу же, как стала ясна принадлежность корабля. А уж

когда смогли выяснить и способ попадания одного гостя в наши печальные края... тут-то все и завертелось! Вот так и появилось на свет мое нынешнее подразделение. И многие другие...

Быстро и без особого шума начали формировать соответствующие структуры. Разрабатывать новые виды вооружения и снаряжения. Ибо все прекрасно понимали – одним таким визитером дело не ограничится.

Забегая вперед, могу сказать – и не ограничилось! Незваные гости всласть оторвались на Нью-Йорке, да и объединенной международной эскадре от них досталось на орехи основательно. «Черные корабли» дали понять достаточно ясно – воевать они умеют. И любят. Так что легкой нашу предстоящую прогулку назвать было уж никак не возможно. Неревальной – это, пожалуй, да...

Но все это было потом...

А в этот день, слегка обалдев от вороха жуткой информации, я поплелся в канцелярию – сдавать дела. Потом в строевой отдел, а после еще много куда...

Разумеется, была и отвальная вместе со всеми моими сослуживцами. Все же не один день вместе пробегали и проползали – такое не забывается!

Но вот что особо обрадовало – так это реакция роты.

Выхожу я утром на крылечко, рюкзак уже на плече, чемодан в руке – глядь, стоят мои архаровцы! Вся рота, Михайленко привел. И ведь не сказал вчера ничего, хитрюга!

– Рота, смирно! – гаркает комвзвода-1, теперь уже и. о. комроты. Ну, мне по секрету шепнули, что третья звездочка на погон ему вскорости уже спикирует... Так что – чем черт не шутит?

Ставлю чемодан и сбрасываю рюкзак. И – руку под козырек.

– Счастливого пути, товарищ командир! – рывкают девяносто шесть глоток. Аж вороны всполошенно с крыш взметнулись!

– Спасибо! Я рад, что мне довелось с вами служить!

А после того как я пожал добрую сотню крепких рук... словом, чемодан пришлось тащить в левой руке.

И вот – новое место службы.

Неприметный военный городок в лесу, неподалеку от моря. Даже морским воздухом вдруг потянуло. Или это мне показалось?

И старый знакомец – Слон. Его массивная фигура бросилась мне в глаза, стоило только порог строевого отдела переступить. Он легко поднялся на ноги, и моя ладонь почти исчезла в его лапе.

– Ну, здоров, крылатый! – добродушно хлопает он меня по плечу. – Теперь плавать привыкай! Летать-то мы еще не скоро станем...

Закончив с формальностями, топаю наверх – представляться командиру полка. Честно говоря, слегка робею. Все

же часть это особая, стало быть, и командир должен быть... ну, не совсем, как прочие. Да и генерал тогда жути нагнал своими рассказами...

Приемная, секретарь – худощавый сержант, вскочивший с места при моем появлении, выслушав, коротко кивает на дверь слева – вам туда!

– Разрешите войти?

– Входите!

Небольшой кабинет – у нашего Бати, пожалуй что, и солиднее будет.

Невысокого роста полковник сидит за столом. Совершенно седой! Эх, ему и досталось в свое время, наверное...

– Товарищ полковник! Старший лейтенант Ларин прибыл для дальнейшего прохождения службы во вверенном вам подразделении!

Хозяин кабинета вдруг совершенно неожиданно оказывается рядом со мной, я даже не понял, как это у него получилось. Только что ведь за столом сидел! И вдруг – рядом...

– Ну, здравствуйте, товарищ старший лейтенант. Дмитрий Михайлович, так ведь? Ну, мою фамилию – Горбатов, – вы и так знаете. А звать меня Николаем Ивановичем. Присаживайтесь!

В дверях появляется давешний секретарь.

– Володя, чаю нам организуй, – поворачивается к нему полковник.

Ого, а у секретаря-то орден Мужества! Да и не только

он... не простой, стало быть, здесь секретарь-то!

– Ну, Слона вы, как я понимаю, уже видели?

– Так точно, товарищ полковник, видел.

– Ну, у нас тут с вами сейчас беседа, можно сказать, неофициальная – так что можно без чинов и званий.

– Понял...

– Часть нашу вы еще не видели, поэтому все вопросы относительно дальнейшего прохождения службы временно опускаем. Вот пообвыкнетесь немного, КМБ² пройдете – тогда и поговорим. Словом, жду вас в этом кабинете ровно через месяц. Вы офицер опытный, да и боевой стаж у вас имеется – этого времени, я думаю, хватит. Не удивляйтесь ничему! Вы можете увидеть и услышать совершенно невероятные вещи – это нормально для нашей части. Привыкайте...

На столе появляются чашки, два небольших чайника и вазочка с печеньем. Секретарь, расставив все это, бесшумно исчезает за дверью.

– Угощайтесь! – кивает полковник на стол. – Чай у нас тут хороший, знакомые подбрасывают. По старой памяти, так сказать.

Вот если бы не его странная манера передвижения – так совершенно же обычный мужик! Пожалуй, наш-то Батя ему еще и фору мог бы дать. Или нет? Двигается полковник как-то... непривычно, что ли? Да и смотрит. Вроде бы в сторону – ан, замечает любое движение.

² Курс молодого бойца.

Интересно это у него получается.

Чай действительно хорош – духовитый и на вкус приятный.

– Первое время вы будете общаться в основном с инструкторами. Ну и с прочими курсантами, разумеется. Не особо смотрите на их погоны – это не главное. Напомню – вы все сейчас курсанты, независимо от имеющихся званий и достижений в прошлом. Никто, разумеется, у вас этого не отнимет и ваших заслуг умалять не станет. Но – это осталось за порогом. Здесь все начинается с чистого листа. Мы все, да и вы сами в том числе, должны быть абсолютно уверены в том, что идущий следом человек в состоянии выполнить поставленную задачу. Это не моя прихоть – суровая необходимость.

– Это мне понятно, Николай Иванович.

– Вот и хорошо. Не скрою, варианты могут быть всякие. Возможен и такой, что предложенные нагрузки окажутся для вас непосильными. Подобное случалось. Что ж, будем тогда думать, каким образом использовать вас далее.

– То есть меня что – могут и отчислить?

– Могут, – кивает комполка. – Нечасто, но бывают и такие случаи. Но на прежнее место службы вы в любом случае не вернетесь. Есть и другие подразделения...

Вот это номер! То есть ничего еще не решено? А генерал говорил...

– Так или иначе – у вас есть месяц. А потом уже и пого-

ворим...

Горбатов встает, давая понять, что чаепитие окончено. Вскликаю и я.

– Разрешите идти, товарищ полковник?

Он одобрительно кивает.

– Можете быть свободным товарищ старший лейтенант!

– Что, огорошил тебя Седой?

Мы сидим рядом со штабом, тут есть небольшая такая беседка.

– Да, как-то... Что, отчислить и правда могут?

– Легко! – ухмыляется Снежный. – Вообще в полпинка.

Тут, если хочешь знать, проверку проходит один кандидат из пяти. Входной фильтр тут – мама дорогая!

– А генерал говорил...

– А где он тебе соврал?

– Ну... мол, будешь старшим группы...

– И что, он тебе это сразу же по прибытии в часть пообещал? Нет? Он пока обозначил твой возможный потолок – не более. Я, кстати, ровно так же начинал, учти!

– А сейчас ты кто?

– Ротный.

Подполковник – на роту? Что-то туго стал соображать...

– Обожди... Так ты еще два года назад батальоном командовал?

– Угу, – ухмыляется мой друг. – А сюда пришел с долж-

ности заместителя командира полка, вообще-то... И заметить! Назад не рвусь.

– Так что ж у вас тут за часть?

– Вот сам все и увидишь...

И я увидел...

Поселили меня в отдельной комнате учебного блока. Весь первый этаж тут из них и состоял. На каждого – отдельная комната. Шкаф, стол, три стула, койка и небольшой холодильник. Динамик на стене. Кондиционер. Ноутбук на столе.

Все.

Не сильно спартанские условия. И поскромнее жить приходилось.

Старшим офицером группы подготовки оказался пожилой дядька в военной форме без погон. Звали его Владимиром Федоровичем или попросту – «товарищ инструктор». Немногословный, неторопливый – и очень внимательный. Его сразу же стали промеж себя называть просто Федорычем.

А вся наша группа состояла, как и намекнул мне Слон, из пяти человек.

Молодой, подвижный, как ртуть, лейтенант Довлатов – даргинец.

Степенный, но очень быстрый капитан Якупов – коренной сибиряк, как он всем поведал при знакомстве.

Такой же, как и я, старлей – Шевченко. Артиллерист, командир разведвзвода.

И мрачноватый майор Остапенко – танкист. Вот уж не ожидал... Здесь что – и танки есть?

– Нагружать вас физическим трудом я не стану, – пообещал Федорыч на первом же занятии. – Смысл? Другой вопрос, ежели вы сами, в силу своей хилости и немощности, не сможете что-то сделать. Так к кому тогда и претензии предъявлять? Сами – все сами!

Нечего сказать, ободрил! Интересная у него манера занятия вести.

– Основное, что я постараюсь до вас донести, несмотря на все ваше внутреннее сопротивление, так это то, что надо думать! Всегда – даже во сне!

Я понял – бегать-прыгать мы будем самостоятельно. Про свободное время можно забыть совсем.

И началось...

Ладно, с минно-взрывным делом я был и раньше знаком. Пусть и не в такой степени, но все же... И всякие хитрые взрыватели, в принципе, чем-то уж совершенно неведомым не казались. Незнакомые – да, но отнюдь не страшные своей непонятностью. Заметив это, хитрый инструктор-взрывник тотчас же задрал мне планку, заставив меня работать уже не с учебными зарядами и минами – а с вполне реальными. Ко-

которые запросто могли оторвать не только пальцы, но и кое-что посущественнее.

Не встретилось особых препятствий и в стрелковом деле – большинство систем оружия я знал. И из многих успел пострелять – и не только в тире. Но инструктор смог удивить нас всех и здесь.

– Возьмите автомат. Так, словно собираетесь стрелять.

Прищурившись, он оглядывает нашу компанию.

– Ну, танкисту еще простительно – его оружие все же другое... Смотрите!

И «АК-74» делает странный пируэт в воздухе, послушно укладываясь на раскрытые ладони преподавателя.

– Попробуйте кто-нибудь наклонить оружие в любую сторону.

Чего уж проще-то? Левая ладонь инструктора вообще открыта, пальцы до цевья даже и не дотрагиваются. И правая тоже растопырена, только в тыльную часть пистолетной рукоятки ладонь упирается.

Ага, фиг там ночевал!

Автомат почти недвижим, несмотря на все наши усилия. Только слегка наклоняется – и все.

– Понятно? Вот так и держим любое оружие.

Он вытаскивает из кармана стреляную гильзу и ставит ее на прицельную планку.

– Так и ходим. Для начала – до забора и назад. Медленно, потом быстрее. Гильза падать не должна! А потом уже будем

приседать, поворачиваться... ну и так далее.

Вышеперечисленными упражнениями учеба не заканчивалась – это было только начало.

Если бы мне сказали, что данная метода придумана нашим братом-десантником, – ни разу не удивился бы. Армейцы – те тоже, в принципе, что-то такое сварганить могли.

Ан – фигушки!

Данное издевательство явилось на свет откуда-то из недр ХОЗУ КГБ – во как! Уж и не знаю, в каком порядке содержали они свои метлы и швабры, но голова там явно у кого-то работала! Да еще как!

– Через пару-тройку дней будете стрелять нормально, – добродушно ухмыляется в усы преподаватель.

Можно подумать, тут какие-то криворукие собрались! Да вдобавок еще и страдающие косоглазием.

Правда, посмотрев на то, как стреляет он сам, кое-кто заработал комплекс неполноценности...

Пришлось напрячься изо всех сил – лопухом выглядеть очень не хотелось.

Надо сказать, что Довлатов и Якупов мне тут мало в чем уступали. А кое в чем – так и превосходили. Труднее всего оказалось майору – для него многое было непривычным. Особенно всякие там приседания-передвижения.

Впрочем, он лихо отыгрался на вождении.

Когда нас подвели к танку, инструктор-танкист, ехидно прищурившись, поинтересовался – кто из нас готов показать

свое искусство?

Случайно так вышло или нет – но все мы были одеты в комбинезоны без знаков различия и эмблем.

Остапенко хмыкнул и вышел вперед.

– Я попробую.

Инструктор кивнул на танк – обычный «Т-72Б3».

– Прошу...

Майор подходит к танку, опирается рукой на броню... и неувловимым движением буквально ввинчивается в люк механика-водителя – инструктор аж крикнул! Но, более ничего не сказав, тоже забирается внутрь – уже в башню.

Минута, вторая – резко взревел мотор.

Танк с ходу набрал приличную скорость.

А надо сказать, что данная площадка представляет собой овал, внутри которого имеется основательное углубление. Овражек такой... не слишком глубокий.

И вот, танк стартовал по кругу. Спокойно прошел первый, вырулил на второй... Но внезапно, изменив направление движения, нырнул в овраг, совершенно скрывшись из виду. Был слышен только звук дизеля.

И вдруг!

В облаке пыли из оврага показался орудийный ствол – а вслед за ним и сама бронированная машина. Движок взвыл на невероятно высокой ноте – и танк прыгнул! На какую-то долю секунды он завис в воздухе.

Дрогнул бетон – всем своим немаленьким весом сталь-

ное чудовище обрушилось на дорогу. Проскользило по ней боком, развернулось... и оказалось точно на месте старта. Щелкнули каблучки о бетонное покрытие – Остапенко с изяществом спрыгнул на землю.

Лязгнул люк – из башни выбрался наставник-танкист.

Майор шагнул к нему и козырнул:

– Разрешите получить замечания, товарищ инструктор.

Тот пожал майору руку.

– Ко мне можете больше не приходиться...

Вот это мастер!

Я тут и рядом не сидел...

А вот с Шевченко мы оказались почти равны. Разумеется, у него имелось куда больше опыта чисто в стрельбе – но вот в корректировке преимуществ не оказалось. Что-что – а это я тоже умел делать в совершенстве. Так что на остальных мы могли поглядывать чуток свысока – и основания к тому имелись.

По всякому там мордобою и прочему – неожиданно оказался впереди Якупов. Честно говоря, я на Довлатова ставил – он все же невероятно быстрый парень. Меня сделал вообще играючи – а я не самый слабак! Но с ним тягаться не могу – просто не успеваю.

А вот медведеобразный сибиряк только рукой небрежно отмахнулся – и полетел наш даргинец кубарем куда-то в сторону. Вскочил, отряхнулся – и снова прыгнул. И, еще в воздухе изменив траекторию, врезался в кучу гимнастических

матов. Вот тут он поднялся далеко не сразу...

Якупова даже потрогать почти никому не удалось! Инструктор – и тот всего один раз его за руку поймал. Только для того, чтобы тотчас же извернуться от боли – его рука оказалась зажата почти намертво. Одно движение – и гипс...

Чего-то я приуныл...

Тут такие зубры вокруг!

Сибиряк с танкистом – вообще какие-то кудесники своего дела. Чтобы мне их уровня достичь – это даже не представляю, сколько пота пролить надобно. И если проверку проходит только один из пяти... то я в их число уж точно не попадаю.

– Значит, так... – прохаживается перед строем Федорыч. – Месяц вам на раскачку дали – и хватит. Завтра – боевой выход! Там и посмотрим, на что вы годны. Взрывать-убивать вас, разумеется, не станут, но легкой прогулки никому не обещаю. Вспомнить придется все, чему вас тут учили...

Он с сомнением смотрит на нас.

– Ну... во всяком случае, попробовали научить... А теперь – отдыхать!

Судя по вступительному слову, нам приготовили что-то особенно злодейское. Ладно... посмотрим!

Задача оказалась простой – на первый взгляд.

«Используя все возможные средства, дойти до указанной

точки, сохранив группу в боеспособном состоянии. Потеря свыше 50 % личного состава – невыполнение боевой задачи».

Вот так. Коротко и без экивоков.

И несколько строк пояснений – когда и при каких обстоятельствах нас можно считать условно убитыми.

Старт – обычная полянка в лесу. На нас полная выкладка – оружие, боеприпасы и средства защиты. Кое-какое дополнительное оборудование – это касается меня и Шевченко. Мы, помимо всего, еще и корректировщики. А раз так – то и тут точно что-то особое изобретут. Зато остальные тащат дополнительный боезапас.

Федорыч, окинув нас скептическим взглядом, вздыхает.

– Бить можете в полную силу. Резать – в пределах разумного. Шею-руки-пах – не трогаем. А дальше... там все сами увидите.

Он просто отходит в сторону, кивком указывая нам направление.

И все?

А ты что, оркестра ожидал?

Первые метров двести мы прошли относительно спокойно – никто не выскакивал из леса, стремясь нас немедленно укокошить.

– Так, парни, – говорит танкист. – Давайте-ка распределимся. Я, как самый медленно ходящий, в тыловое охранение.

ние. Довлатов – головной дозор. Ларин, Якупов – боковое охранение. Шевченко – центр.

Разумно, нечего сказать. По крайней мере, один корректировщик точно уцелеет. А он, как мы все понимаем, зачем-то здесь нужен.

Еще метров двести – Довлатов приседает. Делает знак – все замирают на месте.

Растопыренная горизонтально ладонь, большой палец указывает вниз – мины!

Вот так вот, сразу?

Ничего себе неделька начинается...

И точно – мины. Одна – так уж во всяком случае. Неприметный зеленый проводочек пересекает тропинку на уровне колен.

Жестом отсылаю головного назад – прикрывай!

Автомат на землю. Слишком уж часто выскользнувший из-за плеча ствол срывал растяжку – хватит с нас таких случайностей!

Осмотрев тропинку, устанавливаю – обычная осколочная мина, без всяких там хитростей. Прощупав шомполом землю, убеждаюсь – в ней тоже ничего нет.

И тем не менее в обход! Не нравились мне многозначительные ухмылки наших инструкторов-саперов... насмотрелся я на их ловкие пальчики.

Присаживаюсь на землю и вытряхиваю из запасной пачки несколько патронов. Пули – долой, порох в кулечек, при-

годится еще. Штыком пробиваю в гильзах дырки и протаскиваю через них тонкий шнур – он всегда со мной. Теперь узелки – и готова импровизированная «кошка».

Она и сработала уже через полчаса – при очередном броске в кустах что-то щелкнуло.

Бросавший «кошку» Довлатов ничком рухнул на землю.
Хренак!

Над головой пролетело основательное полено.

Шуточки тут у некоторых...

Открытое поле – не обойти.

Приникнув к биноклю, Шевченко осматривает местность.
– Подвох? – интересуется танкист, как всегда, невозмутимый.

– Жопой чую! Просто так пройти не дадут...

Схожие предчувствия и у меня. Явно ведь какая-то гадость есть!

– Дамир! – поворачивается майор к Довлатову. – Попробуй вон до того кустика – только ползком и тихо!

Есть кустик – даргинец машет оттуда рукой.

Майор с сомнением поджигает губу.

– Шевченко...

Уже два человека лежат у кустиков.

Хр-р-р... Бух!

Знакомый до тошноты звук – стодвадцатидвухмиллиметровый снаряд. Без дураков – никакая не игрушка! Правда, падает он далеко в стороне, так, чтобы осколки до нас не до-

летели.

Артналет.

По условиям учений, оружие даст четыре пристрелочных выстрела, а потом перейдет на поражение. И тогда с каждым упавшим снарядом у нас будут списывать одного человека. Так что наш путь может быть завершен прямо здесь. Если не засечем вовремя батарею... Вот зачем мы тащим на себе всякую там аппаратуру!

Это был первый снаряд – теперь еще три!

– Корректировщики! – кричит танкист.

Да знаем мы уже...

Лихорадочно сбрасываю рюкзак, рву клапан. На свет появляется блок аппаратуры артиллерийской разведки. Штука совершенно новая, я с такой раньше не работал – только здесь впервые увидел и попробовал: класс! Чем-то она напоминает, естественно, своих предшественников, но более компактная и производительная. Понятно, что точных координат батареи она не определит, не та аппаратура... для этого целый автомобиль нужен.

Но хотя бы направление стрельбы и приблизительную дальность – можно попробовать.

Щелкнув, откидывается вбок крышка, и тотчас же автоматически выдвигается штанга с датчиками, растопыривая во все стороны чуткие «ушки».

Поворот тумблера...

Гулко бьет пулемет – вокруг лежащих пляшут фонтанчи-

ки земли.

На Шевченко рассчитывать больше нельзя – он не то что аппаратуру развернуть, голову поднять не может. Соответственно, и точность определения пострадает.

Кашляет подствольник – танкист отправляет в сторону пулемета гранату. Убить он никого не может, по нам работают дистанционно управляемые установки. Но вот повредить чертову железяку – вполне по силам.

Слева начинает работать автомат Якупова – тот короткими очередями садит по огневой точке.

Да, пулемет никого не заденет, но и вставать лежащим настоятельно не рекомендуется. Мало ли что...

Хр-р-р...

Уже ближе!

– Работай, старлей! – кричит танкист, запихивая в подствольник очередную гранату. – Давай!

Хорошо же ему командовать... небось, не меньше чем замкомбата раньше был...

Хр-р-р....

Есть засечка!

Торопливо выкрикиваю в микрофон радиостанции цифры.

Несколько томительных секунд.

– Цель поражена, – буднично сообщает динамик. – Можно продолжать движение.

Раз можно – продолжим. Но какие-то неприятности нам

впереди однозначно гарантированы – это хорошо понимают все. Вопрос в том, что будет раньше? Успеем ли мы вовремя сообразить?

Мост.

Железнодорожный – на солнце поблескивают чуть поржавевшие рельсы. Давно тут поезда не ходят...

Неприятно уже само по себе.

Не люблю эти сооружения. Штурмуешь их или обороняешь – один хрен, в тебя лупят со всех сторон. Охрана палит длинными очередями из бункеров, наступающие сажают из минометов откуда-то из лесу... неприятно. Так или иначе, а всегда наступает момент, когда надо бежать по узкой полоске моста, простреливаемой словно в тире. Хрен тут особо поманеврируешь... Моя бы воля, сплавил бы по реке понтон с полутонной тротила – и хорош! Работы ремонтникам на пару месяцев. Впрочем, можно и по рельсам чего-нибудь сильновзрывчатое отправить – тоже весьма к месту бы пришлось.

Но у нас сейчас нет задачи его взрывать, да и взрывчатки – кот наплакал. Мост надо просто перейти.

Хорошо сказать – перейти!

Ведь, зуб даю, сидят в кустах какие-нибудь злодеюки!

Но нет, тепловизор ничего не показывает. Засады поблизости не обнаружено. Впрочем, парочка пулеметных турелей с лихвой ее способна заменить. Оператору даже носа высо-

вывать не нужно – сиди себе в укрытии да поглядывай на монитор. А как вылезут из кустов супостаты – джойстик под рукой.

Танкист тоже чем-то недоволен. Видать, и ему эта картинка не по душе.

– Палыч, – подползаю я сбоку. – Там, внизу, под балками, видишь – арматурины какие-то висят. По ним можно попробовать...

– Стремно, – качает он головой. – Вниз лететь метров десять – костей не соберешь!

– Так это – ежели сорвусь!

– Да я быстро его проскочу! – встревает Довлатов. – Турель, если она тут стоит, даже навести не успеют!

Доля правды в его словах есть – сервоприводы установки не отличаются высокой скоростью поворота. Мы на стрельбище пробовали – по подвижной мишени попасть не очень-то и просто. Вот по неподвижной – тут совсем другой коленкор.

Правда, турель может стоять и прямо по оси моста – тогда вилы.

Совместно, используя всю оптику, просматриваем каждый метр дороги – пусто. Впрочем, турель может быть и подъемной, но даже и она не приводится в действие моментально. Шанс у Дамира есть.

Небольшой – но имеется.

– Ладно... – наконец соглашается майор. – Попробуй.

Только не прямо от кустов стартуй – дышалку сорвешь!

Довлатов кивает. И бесшумно исчезает в кустах, оставив на месте все лишнее. Его задача проста – осмотреть подступы к мосту. Определить наличие всяких неприятностей и способы их обхода. Воевать с турелями никто не собирается – нам это ни к чему.

– Ползет... – вздыхает Якупов, на секунду отрываясь от бинокля. – Ловко, ничего не скажешь, даже я его из виду иногда теряю!

В устах молчаливого сибиряка это нешуточная похвала – он на такие оценки крайне скуп. А уж как он сам умеет прятаться...

– Чисто пока... – тихонько шелестит в гарнитуре шепот. – Перед мостом ничего нет – металлоискатель тоже ничего не засек.

И неудивительно – я бы тоже не стал прятать никакие бяки на подступах. Вот на самом мосту... среди десятков тонн всевозможного железа – это уже совсем другой коленкор.

– На мосту осторожнее будь! – шепчу в ответ. – Там от прибора толку чуть!

– Принято! – откликается наш разведчик.

Гибкая фигурка на мгновение замирает у входа на мост. Если здесь есть турель – настало самое время открытия огня! Дамир сознательно провоцирует оператора. Попасть первым выстрелом – очень нелегко. Даже если стоит задача положить пули в нескольких метрах от цели. По условиям учений, по-

падание пули в радиусе пяти метров – человек должен лежать неподвижно. Если в течение минуты турель не будет подавлена или обстреливаемый не сменит позицию, уйдя из опасной зоны, – он условно «ранен». Если мы его не эвакуируем за пять минут – он «убит». Но Довлатов может кубарем укатиться под откос – там его уже не достать.

Если очередная турель не держит под прицелом и это место...

Нет выстрелов.

Бросок!

Разведчик пулей проскакивает с десятков метров и прячется за стоящей на мосту железнодорожной платформой.

Тихо.

– Растяжка между колесами, – сообщает радиостанция.

Так... это уже кое-что!

– Обезврежено...

Кирпич с души!

Ой ли?

Дамир – не сапер ни разу! Да, кое-что делать умеет, но не более того... Не его это дело! Быстро поясняя майору свою точку зрения – тот кивает.

И я торопливо пробираюсь к мосту.

Не лопух там растяжку ставил! Здесь, похоже, таких горе-спецов (каких много мне пришлось в свое время повидать...) совсем не имеется. Если уж чего-то поставят – то хрен там чего сразу отыщешь...

И если Довлатов растяжку отыскал, то, с моей точки зрения, только потому, что именно это ему и хотели показать!

– Горец – Поэту!

– Ну? – удивляется моему тону Дамир.

– На месте оставайся! Понял?!

– Принял... – как-то растерянно отвечает он.

Реально – не вкурил! Понимаю, ему обидно – как же, контролер бежит его проверять! Умом-то и я это понимаю, но в эфир ведь всего не скажешь! Извини, родной, когда все это будет позади, вместе посидим и даже возможно, что и выпьем. И очень даже вероятно, что и посмеемся над моей излишней подозрительностью. Но – потом!

Вход на мост. Отсюда я хорошо вижу ту самую платформу. Она не просто так стоит, одно колесо отчего-то сошло с рельс. Ага, типа застряла бедная... оттого и не утащили сразу. Все логично.

Для лохов.

Ибо уж где-где, а на мосту-то рельсы проверяют ежедневно! Не может там ничего с них сойти! Где-нибудь по пути – так за милую душу! Насыпь там просела... шпалы (бетонные-то?) подгнили... вода подмыла грунт... бывает! Но не на мосту.

Вода тут – далеко внизу. И подмывать железобетонный устой... я, даже чисто теоретически, себе это с трудом представляю. Видел я в Ткуарчале такой мост, его еще пленные немцы в свое время построили. Так он без всякого ухода с

90-х годов стоит – и даже не покачнулся ни разу! А сколько уже лет прошло! И речка, между прочим, там горная! Ни разу не спокойный ручеек.

И само полотно моста просесть просто так не может – там запас прочности сумасшедший.

Ибо все очень хорошо себе представляют последствия схода вагона с рельсов на данном отрезке железнодорожного пути...

Но как все это я сейчас своему товарищу объясню?

Подожди уж...

Довлатов оборачивается, видит меня и удовлетворенно кивает – мол, сам же все видишь! И автоматически сдвигается чуть назад, освобождая мне место.

Все это происходит настолько быстро, что я и рта не успеваю раскрыть!

Даже отсюда слышен резкий хлопок.

Откуда-то сверху, из-под днища платформы, хлещут зеленые брызги.

Видел я тут такие штуки...

Портативная зажигательная мина – жуткий девайс!

Чистый пластик, минимум металла – не всякий металлоискатель почует. Разве что редкие селективные металлодетекторы. Да и то – далеко не всякие. Разрекламированный «Гаррет» – точно не найдет, проверяли. И отечественные тоже не все ее видят.

Они тут есть направленные – выбрасывающие огнесмесь

на 15–20 метров в ограниченном секторе. Своеобразная «монка» – только вместо осколков люто горячая гадость. И мины кругового поражения есть – те работают всего на пять метров. Зато внутри этого круга наступает локальный армегеддец всему живому. Да и неживому тоже далеко не сахар. В этом огне даже двухмиллиметровая железная пластина как-то прогорает насквозь.

То, что сейчас хлопнуло над головой у Дамира, должно было ударить нам в лицо, гарантированно «спалив» не менее половины группы, – здесь «мина» направленного действия. Установленная с датчиком кратности – на второго ползущего. Довлатов отодвинулся назад – и проклятая железка решила, что это уже ползет кто-то из основного ядра.

До меня не достало всего несколько метров... а больше тут никого и не было.

Да, в данном случае девайс учебный – его содержимое даже автогенем не зажечь. Зато зеленая гадость очень качественно прилипает к одежде и смывается далеко не сразу. И сразу видно, кто «обгорел» – и насколько серьезно.

Вот и в данном случае – зеленые пятна облепили ноги моего товарища. Тяжелый ожог, еще повезло ему! Если правильно обработать раны, перевязать и оперативно доставить ко врачу – шанс есть. И немаленький!

Вперед!

Но под ноги смотрим внимательно!

И не надо мне тут говорить о гуманизме – мол, кто же ста-

нет минировать тропку, чтобы подорвать на ней спасателей?

Нет тут никакого гуманизма – есть циничная целесообразность. Раненого всегда станут вытаскивать – этим приемом пользуются снайперы с незапамятных времен. А что можно снайперу, то и саперу тоже вполне позволительно.

Дамир шипит и катается по земле – отыгрывает ситуацию. Нашлемные регистраторы, которые у каждого из нас есть, не только полностью фиксируют наши действия, но и записывают все разговоры. Так что ничего не скрыть.

Не может бегать раненный осколками человек, равно как и не станет лежать молча обожженный.

Тащу его – тяжелый вдруг какой-то стал...

Вспоров ножом, стаскиваю с него брюки – в реальности тут уже не только их не осталось бы...

Кто-то падает рядом – сибиряк!

– Укол! Противошоковое!

– Сделаем... – он расстегивает клапан на разгрузке.

Перевязка... кончился бинт. Высунувшаяся сзади рука подает мне еще один индпакет. Все делаю по науке – наши действия потом беспристрастно разберут экзаменаторы. Да и тут рядышком, зуб даю, кто-то посматривает внимательно. Хрен кто упустит возможность проконтролировать такую интересную позицию. На нашем примере других учить станут... новые подлунки изобретут, чтобы усложнить прохождение – это уж и к бабке не ходи!

Теперь у нас добавился «трехсотый» – скорость передви-

жения упала весьма основательно. Так и его еще через мост как-то надо перетащить!

Но идти поверху желающих уже нет, мина может быть здесь не одна. Как я и намекал танкисту, короткий и очевидный путь – не всегда правильный. Иногда он ведет и в могилу...

Спустившись чуть ниже под мост, перебираюсь по торчащим и висящим железякам на другой берег. Круто не зави-
дую тем группам, что будут здесь ходить после нас – зловредные экзаменаторы наверняка что-нибудь и тут изобретут.

А дальше – просто.

По натянутой капроновой веревке (а не зря все же мы ее с собой таскаем!) переправили «трехсотого». Чуть не искупали его при этом в реке, да... А потом уже и сами перебрались.

Проблему же с отвязыванием веревки на том берегу я решил чисто по-злодейски – установил около узла обычный «ЭДПр»³ с радиодетонатором. Учитывая, что в обычных условиях взрыв мины нас уже давным-давно бы демаскировал, хлопок капсюля погоды уже не сделает. Впрочем, остатками срезанных с Дамира брюк я его все же укутал. Все потише бахнет...

Он сработал штатно – веревку словно ножом срезало. Намокла, правда, но это уже не так страшно.

Дальше!

³ Капсюль-детонатор для электроподрыва ВВ.

Здесь я больше играл роль рабочей лошади. Вместе с Шевченко мы тащили раненого. Якупов исполняет роль головного дозора, а танкист прикрывает сзади.

Километр – смена.

Еще один – привал.

И снова в путь.

Пока все идет тихо. Мы не вылезаем из подлеска, избегаем открытых пространств и тропинок. Наверняка нас там ждут всевозможные сюрпризы. Или даже «дружеские встречи».

Подождут...

Техника!

Тепловизор помог – разок засекли какую-то непонятную активность и пришлось делать крюк. На нас надеты специальные костюмы, которые должны как-то нас маскировать от подобной аппаратуры, но и наши противники тоже могут быть аналогично экипированы. Правда, все же можно засечь кисти рук и морду лица (если оно не прикрыто специальной маской) – но это уже совсем другой коленкор...

Так что и проверенные временем глаза и уши тоже работают – на одну только технику не полагаемся. Сильно она тогда помогла на мосту?

То-то же...

И снова лежим в кустах на брюхе. Смотрим...

И есть на что!

Засаду обнаружил сибиряк – каким-то и вовсе не понятным способом. Унюхал он их, что ли?

Дал знак, положил нас, а сам пополз вперед. Чуть позже, по его сигналу, подобрался к нему и я.

– Троиخ вижу точно... – не отрывает он глаз от бинокля.

Штука у него вообще шикарная!

Мощная стабилизированная оптика со специальной тепловизионной насадкой. Можно вместо нее и цифровую, для ночного видения, присобачить.

Так что любой снайпер за такой прибамбас душу продаст! Да и не только снайпер... Эх, вот отчего у нас в части таких вещей нет?

– И что же у нас там за такой комитет по встрече? – интересуется подползший танкист.

– Языка брать будут... – флегматично пожимает плечами Якупов. – Как раз на этот случай построение. Я бы и сам так людей расположил – сразу со всех сторон зажать можно. Они явно на передовой дозор нацелились...

– И сколько их там может быть?

– Ну... где-то в кустах еще и огневое прикрытие должно быть. – Сибиряк абсолютно невозмутим. – Человек пять... шесть... обычно этого хватает.

Ситуация дурацкая.

Предположим, эту троицу мы можем элементарно подстрелить. На наших автоматах установлены лазерные имитаторы стрельбы, а у сидящих в засаде наверняка имеются ин-

дикаторы попадания. Но тихо напасть не выйдет. Автоматы работают по принципу файертага – стрельба холостыми патронами совместно с работой лазерного имитатора. Перезарядимся, насадку соответствующую на ствол навернем – и вперед! По парочке магазинов с соответствующим боезапасом у нас есть у каждого. Но в ответ обстреляют уже нас – и неизвестно, из какого оружия. Мы не знаем, где расположено их прикрытие. Не исключено, что там имеется «АГС» или несколько подствольных гранатометов. Накрыть могут одним-двумя залпами – под автоматным огнем не сильно побегаешь туда-сюда. Наверняка уже и нас успели срисовать, так что просто так отойти не дадут. А еще и «трехсотый»... Бросить его мы не можем, так что, как минимум, один боец в минус – Дамира надо утаскивать в тыл, сам он двигаться неспособен.

– Если они увидят дозорного? – спрашиваю у капитана.

– Смотря кого... Меня – так однозначно «вальнут» – не та у них весовая категория, чтобы такого, как я, живьем прибрать. А вот вы для них уже интересны...

Вот я и двигаюсь по тропке. Автомат, естественно, в руках – дозорный я или кто? Но все внимание (внешне, разумеется) под ноги. Мол, мину ищу...

Со стороны это выглядит вполне оправданно, наверняка засадники уже знают, что кто-то из нас подорвался на mine. Оттого и смотрит под ноги дозорный, неохота им еще кого-то терять.

Самая цель...

Никаких окриков и прочего не последовало – сразу с двух сторон метнулись ко мне темно-зеленые тени. Одному я удачно заехал прикладом в брюхо, и этот деятель в последующем бодании участия не принимал. А вот второй ухитрился вышибить у меня оружие.

И понеслось...

Какое-то время мы с ним держались более-менее на равных. Ну, скорее менее, чем более... Правда, рюкзак я сбросить все же ухитрился, что подарило мне еще несколько секунд.

Потом из кустов выломились еще двое, и игра стала сразу менее интересной. По скуле я получил почти тотчас же – и сознание слегка поплыло. Кому-то я и в этом состоянии куда-то там попал, клиент только зашипел в ответ. Но и мне звезданули по спине, так что пришлось кувырком нырять влево-вперед. А то совсем забили бы.

– Крути его! – свистящим шепотом приказывает кто-то. – Все, готов клиент!

Это мы еще глянем, кто там готов! Рука совершенно автоматически потянулась к ножу.

Хрясь!

Плюх...

На сцене появилось новое действующее лицо.

Словно медведь из кустов, на тропке возник Якупов. В дальнейшей схватке обошлись и без меня...

Первого противника капитан играючи отправил в кусты – и оттуда он более не вылез. Второго свинтил походя – бедолага со всей дури приложился мордой о землю. Не придержи его сибиряк в последний момент, не факт, что обошлось бы без серьезной травмы. Осталось двое – я даже не усек, когда и откуда появился пятый засадник.

Но парни оказались не робкого десятка и, разойдясь в стороны, одновременно атаковали своего противника. Молча и не сговариваясь. Чувствовалось, что опыт совместных действий у них немалый!

Впрочем, это им совершенно не помогло.

Ну, разве что продержались на несколько мгновений дольше...

– Ты как там? – наклоняется ко мне Якупов.

– Ну... Тьфу! – сплевываю на землю песок, неизвестно как оказавшийся во рту. – Жив пока... И даже ходить могу самостоятельно.

– Раз шутковать способен, то и воевать сможешь, – одобрительно кивает капитан.

Сопя и отдуваясь, на тропку вылезает танкист, волоча короб от «АГС».

– Ствол я снял и в кусты забросил, – сообщает он.

А вот следом за ним, понуро склонив голову, выбирается и мой коллега-корректировщик. Одного взгляда достаточно – через всю грудную пластину бронежилета тянется жирная черная полоса. След косого удара ножом-маркером.

Нас стало на одного меньше.

По условиям учений такое «ранение» является «смертельным» – не стоило Андрею удар пропускать...

– Там еще двое у АГСа оставались... – виновато пожимает плечами майор. – В ямке сидели, со стороны и не видать...

Фигово... ни одной потери мы себе позволить больше не можем.

Шевченко снимает каску и усаживается на пенек, рядышком с одним из очухавшихся «засадников». Для них учения окончены, скоро прибудет транспорт, и всех вывезут в расположение части. Им отдых, а нам топать дальше. Тащить Довлатова и как-то исхитриться не потерять более никого – даже раненым.

Мы прощаемся с Андрюхой, жмем руку, хлопаем по плечу. Это против правил, но кто сказал, что инструкции должны исключать нормальное человеческое поведение! А он отдает нам свой запас воды.

– Мне хватит уже... в крайнем случае – мужики поделаются... – кивает он на сидящих поблизости бывших оппонентов.

Кстати, в их глазах я замечаю уважение – особенно когда они на Якупова посматривают. Что ни говори, а сибиряк сработал классно! Так раскидать, в общем-то, совсем не хилых парнишек... это далеко не каждому по зубам!

Так что капитан сейчас купается в лучах вполне заслуженной славы – и правильно! Мастер!

И снова лес, ветки так и норовят заехать под колено или подставить подножку. Тяжелые и неудобные импровизированные носилки из жердин и плащ-палатки оттягивают руки. И затрудняют обзор, когда идешь вторым номером. Первому, впрочем, не намного лучше – ветки хлещут его прямо по лицу. Я иногда это замечаю и успеваю среагировать – голову там пригну или еще как извернусь...

– Смена!

Ставим носилки на землю.

Вытаскиваю из разгрузки шприц с противошоковым и проделываю все манипуляции, которые необходимо сделать в данном случае. С момента «ранения» прошло уже достаточно времени, «уколы» делали уже дважды.

Время!

Максимум через шесть часов мы должны доставить Дамира в медсанчасть – иначе он «умрет». И его статус изменится – переведут в «двухсотые». А нам – еще один минус, не смогли обеспечить транспортировку пострадавшего.

Мы все это понимаем.

Как и то, что шансов на это – ноль. Нам попросту не успеть...

Танкист хмурится и рассматривает карту.

Пешим ходом до конца маршрута – четыре часа. Без учета «трехсотого». И перед командиром сейчас стоит дилемма – как поступить?

Оставить Довлатова и продолжать выполнение задачи? Мол, потом за тобой придем?

Ага, если будет кому...

Теоретически в этом варианте мы успеваем.

Практически же...

– Федор!

– Тут я, – поднимает голову сибиряк.

– Остаешься с Дамиром. Ждешь нас тут.

– Понял!

– Ларин – со мной идешь!

– Есть, товарищ майор.

Что он задумал? Ведь таким составом мы задачу точно не выполним! Куда мы сейчас спешим, ведь маршрут ведет совсем не в эту сторону?!

Блин, лучше бы уж Довлатова тащили... Я уже реально воспринимаю его как пострадавшего. Даже запах горелого мяса иногда щекочет мне ноздри.

Стоп...

Запах?

Ну, да... и совсем явственно...

– Стоп... – останавливает меня танкист. – Смотри!

Охренеть...

Я не знаю, что тут произошло. Но видок передо мною открылся и вовсе жутковатый.

Прямо на краю леса стоял, накренившись на бок, обгорелый танк «Т-55». Не имитация – он в свое время горел все-

рьез! На закопченной броне видны мутные засохшие потеки какой-то жидкости. Тушили его, что ли, или как?

Чуть дальше в поле видна пробитая в трех местах коробочка БТР. Ее явно расковыряли из чего-то основательно – даже отсюда видны неслабые дыры в борту. А ведь до бронекоробки отсюда метров полтора будет!

И вообще все поле изрыто так, словно тут порезвился пьяный великан-кузнец. Хватанул полбочки самогонки – и давай молотом махать!

Тут явно арта поработала. Или парочка эскадрилий леунов отбомбились серьезными бомбами. Совершенно очевидно, что на данном полигоне шурует не только этот самый полк – тут, похоже, всерьез отрабатывают боевое слаживание сразу несколько родов войск. Ну, в принципе, чего-то такого я и ожидал – не под одну же часть, пусть и особую, отгородили такой основательный кусочек земли? Эта мысль зародилась у меня достаточно давно, еще когда я заметил на станции вагоны с хорошо знакомыми ящиками – авиабомбы. Уж точно не в этот полк их привезли...

Учитывая же привычки здешнего руководства, не удивлюсь, если в любую из сгоревших бронекоробок подбросили для антуража пару обгоревших туш какого-нибудь скота. Чтобы уж реальность так реальность! Так сказать, проверка на небрезгливость. Слыхал я про такие штуки... только не встречал никогда.

Но что здесь нужно майору?

Явно ведь он сюда не просто так притопал?

А танкист приник к окулярам бинокля, обшаривая усеянное воронками поле.

– Ищем-то чего, товарищ майор?

– Следы смотри... Не людские – здесь трава высокая. Колею ищи! От колес.

Хм, колею?

А за каким, простите, рожном?

Стоп... улавливаю мысль!

Зачем в нашей группе танкист?

Драчун, диверсант, корректировщик, сапер – понятно. А майор-то здесь что делает? Нет для него работы по профилю!

Или есть?

Попробуем понять логику его рассуждений.

Маршрут проложен неподалеку от этого поля – зачем? Тут явно никто и ничего просто так не делает!

Так, танкист, мастер вождения... А где ему брать технику? На чем-то он ведь должен показать свое мастерство!

Здесь, больше нигде. На карте никаких обозначений автопарков нет.

Стало быть...

Колея!

Машина не пришла сюда только что, мы здесь явно не первые, кого тут гоняют. Значит – стоит давно. Специально для таких вот сообразительных... Может так быть, что и не одна

она тут стоит.

Но ведь ее надо периодически осматривать, если дизель – то и проворачивать иногда. Аккумуляторы заряжать...

И заправлять – она ведь не святым духом питается? Нет, обычной соляжкой или бензином. А тащить на руках через эту «полянку» бочку или канистру – удовольствие сомнительное. Значит, машина подходит прямо к стоящей здесь технике. Заправляет топливом, дежурный механик осматривает и заводит двигатель.

Так? Похоже, что да...

И тогда на высокой траве будут колеи, оставленные транспортом техобслуживания.

Ладно, смотрим!

Грузовик... ну, этот-то если и поедет, так явно не сегодня. Колес у него нет вообще – на дисках стоит.

БМП – дыра в боку... сомнительно, чтобы там что-то вообще уцелело.

О, господи – «тридцатьчетверка»! На вид так вообще даже целая... однако никаких следов поблизости нет. Но целая же!

Трогаю Остапенко за плечо.

– Давно стоит, у кормы трава высокая, и куст вырос, – отвечает он через несколько секунд разглядывания танка.

– И?

– На кустике все листочки целые... – бурчит майор, отворачиваясь.

Ага, ежели там начать газовать, прогревая двигатель, то листики-то и посдувает выхлопом к такой-то матери... да и закоптит еще.

Не танк, стало быть. Еще какая-то штуковина тут есть. Вполне, кстати, может статься так, что и не одна. Мало ли куда вынесет кривая экзаменуемых? Весь полигон они явно не оббегают, чтобы это поле просто пересечь... светового дня может и не хватить! Разгуливать-то здесь во весь рост нельзя!

– Правее смотаюсь, хорошо?

Танкист кивает.

За пригорком дорога раздваивается, огибая небольшой овражек. Неподалеку от развилки видны обломки сгоревшей техники – я даже не могу понять, чем это было раньше.

А на краю овражка, накренившись на бок, стоит БМП.

Без башни – тоже не ездок. Стальная «кастрюля» с торчащей оттуда пушкой лежит метрах в десяти – сорвало к чертям!

Да уж... нагляделся я в свое время на такие, с позволения сказать, «скульптуры»...

Осмотревшись по сторонам, быстро пересекаю открытое место и ныряю в кусты... чтобы тотчас же зажать нос – горелым мясом так пахло! Чуть не сбиланул...

Мать-мать-мать... это в БМП, что ли, что-то сгорело?

Поворачиваюсь назад.

И, уже приподняв ногу, замираю на месте.

Стоп...

Сгорело?

Но на броне не видно копоти! И краска вся на месте...

Опускаю ногу назад и разворачиваюсь.

Да, бронемашина не горела – не видно следов буйства пламени.

А как, кстати, ее вообще подбили?

Лупили из пушки по телеуправляемой мишени?

Возможно.

Вопрос – откуда?

Позади меня холм. И если пушка была сверху, то снаряд бы с такой дистанции не башню сорвал, а проломил бы брону на хрен!

Справа – тоже холм, тот же самый. С той стороны достаточно крутоват, так что пушку туда втащить – затея непростая! Да и с этой...

А слева низина, БМП оттуда вообще не просматривается, не дошла.

Не сзади же по ней стреляли? Башня в таком случае должна была бы вперед отлететь!

Делаю крюк, оглядываясь по сторонам. Мало ли кто тут сидеть может...

Вот и башня.

Никаких следов попадания на ней не видно. Более того!

Даже поручни не погнуты! А уж если бы эта «кастрюля» со всей дури хряпнулась бы о землю... сантиметровые пружины

тики погнуло бы играючи!

Ну, пусть и не сантиметровые – один хрен!

Башня у бронетехники может слететь в двух случаях (всякую экзотику сейчас не рассматриваем): снаряд приличного калибра по самой башне либо подрыв боезапаса.

Попадания по «кастрюле» не было, да и следов взрыва БК что-то тоже незаметно. Видел я, как эти «коробочки» во все стороны раскладываются... Обычного снаряда сто пятьдесят два миллиметра за глаза хватает! А если еще и боезапас к пушке дури добавит – вообще сливай воду!

Зато при внимательном рассмотрении обнаружилась яма со следами недавнего костра. И на дне этой, с позволения сказать, ямки виднелись чьи-то кости. Явно не человеческие.

Вот откуда пованивает-то...

Наплевав на вонищу, подбираюсь поближе к БМП – и обнаруживаю интересную штучку!

Отверстие под башню закрыто брезентом.

Надо думать, чтобы вода внутрь не попадала – дожди тут явление нередкое. Не Сахара, чай!

Брезент не просто брошен – натянут и как-то закреплен.

Причем благодаря наклону машины со стороны, откуда я пришел, этого заметить невозможно.

И никакой тебе колеи – машина обслуживания спокойно по дороге подъезжает.

«Ай да Пушкин»... действительно, сукин сын...

Нет, ну каковы придумщики-то! А?!

А майор-то – голова!

Выслушав меня, он кивает.

– Ну, чего-то такого я и ожидал... Хотя с горелым-то мясом они, пожалуй что, и переборщили...

А вот внутрь он не полез!

– Погляди-ка там...

Он шаман, что ли? Вроде бы это сибиряку положено?

Прорезав ножом брезент, опускаю туда эндоскоп с подсветкой.

М-м-да... я бы этих умников!

Обычная учебная граната «Ф-1» – проволочка от кольца идет к десантному люку, опутывая рукоятки обеих дверей. Этим путем мы не пойдём!

И на люке экипажа подвешена еще одна граната – просто на рычаге. Понятно, там, скорее всего, даже чеки не имеется. Наверняка и проволочка от запала идет куда-нибудь вверх.

Распахнешь люк – граната повиснет в его проеме, не падая на землю, – прилетит сразу многим.

А сам брезент?

Вот тут, к моему немалому удивлению, ничего не оказалось – никакие бьяки не сторожили вход сверху.

Изнутри.

А вот снаружи – сам брезент и прижимал скобу еще одной гранаты. И тоже без чеки.

Снимешь его – и щелкнет капсюль-воспламенитель...

Хитроумный злодей попался – вылез, брезент натянул, за-

крепил заботливо, чтобы вода внутрь не попадала. А от прочих незваных «попаданцев» подсунул под натянутый брезент гранату – мол, «все для блага человека»! Ох, сказал бы я ему!

Неа, ничего бы не сказал – сам бы ровно так же и поступил в аналогичной ситуации. Грамотный здесь оказался мужик!

Но не его сегодня день.

Танкист, что-то ворча под нос, устраивается на месте механика-водителя.

– Ну, благословясь...

Неожиданно мелодично (надо же!) заворчал дизель.

А я выкатываюсь наружу, надо бы и под гусеницами все проверить... и по пути следования.

Пусто там, закончились сюрпризы у моего оппонента. Снова забираюсь внутрь и сообщаю об этом Остапенко.

Выждав пару минут, он трогается с места и с каким-то изяществом (вот ведь мастер!) тотчас же разворачивается «на пятках». И тяжелая машина... лезет на холм.

– А отчего не по дороге?

– У нас с тобой взвода инженерной разведки впереди нет!

И ведь не поспоришь – прав майор!

А дальше было не до разговоров – язык бы не прикусить! По таким буеракам скачем – и пешком-то не везде пролезешь!

Улучив момент, высовываюсь наружу и по рации оповещаю наших товарищей – это мы, не пальните там с перепугу!

Остановка – втаскиваем через десантный люк Довлатова. Якупов одобрительно оглядывает наше приобретение.

– Хорош сарай! А отчего без пушки? Непорядок!

– Зато пойдет легче, – возражает танкист.

И пошел...

Вот что ни говори, а хорошего спеца видно по всему. Как мы неслись... наверное, даже конструкторы этой машины не ожидали от нее подобных выкрутасов! И все это – по бездорожью, накатанных тропок майор тщательно избегал. В какой-то момент слева промелькнули брезентовые палатки, вокруг которых всполошенно забегали люди в форме. Не удержавшись, я даже высунул в открытый проем руку, сложив пальцы в неприличном жесте. Наверяд ли там кто-то это рассмотрел, но на душе полегчало. Даже мрачноватый танкист улыбнулся.

Несколько километров мы пролетели буквально одним махом. На душе аж пело! И поэтому, когда рев дизеля внезапно затих, я даже как-то растерялся – почему?

– Приехали... – указывает рукой Якупов.

Река, мост – и на той стороне стоит микроавтобус неожиданно белого цвета.

Посредники?

Все, закончилось?

Только и осталось, что через реку перейти?

Опять это сооружение...

И ведь близко к нему не подъехать, да и на ту сторону

только ножками — мостик-то пешеходный!

Выскакиваем наружу, вытаскиваем Довлатова — и ходу!

Бегом!

Дах-дах-дах!

И строчка трассеров пересекает наш путь!

Турель!

Кубарем укатываемся за броню — там не достанет.

— Гранаты!

Но, увы... не осталось больше ничего, молчат наши подствольники.

Тридцать метров до моста, но проклятый пулемет подметает там все своими трассами.

— Майор! Тащите Дамира — я эту хреновину заткну!

— Вместе...

— Я стреляю лучше!

И не поспоришь — это действительно так.

Расклад простой — всем через реку не перейти. Пулемет пристрелян, и эти тридцать метров сейчас преодолеть быстро мы не сможем. При самом удачном раскладе двоих мы точно потеряем. И все, задача провалена.

Но...

Если ребята перейдут на ту сторону и перетащат Дамира — это уже больше половины группы. Шевченко в минусе, и даже если я останусь на этой стороне, то это ни на что уже не повлияет.

Турель...

Нехитрое, в принципе, устройство.

Тренога с пулеметом «ПКМ». Видеокамера сверху, сервоприводы наведения – и все это прикрыто скошенным бронелистом. Штука крепкая и неприхотливая. Сквозь прорези в бронелисте смотрит глазок видеокамеры и пулеметный ствол – все остальное спрятано. Разве что по самой треноге попасть?

Близкий разрыв может это сооружение опрокинуть – это так. А пули ему не страшны – кроме крупняка, разумеется.

Но...

Есть и там ахиллесова пята!

Короб с патронами подвешен снизу на крюке. Большой, нестандартный, на триста патронов, он своим краем выступает из-под бронелиста. Стандартный – тот не виден, но в нем патронов недостаточно, вот поэтому такой и приспособили. Пулемет я повредить не могу, разве что дуриком по стволу засажу, но вот продырявить короб – запросто!

Пробить короб, искорежить ленту и патроны – и пулемет не сможет стрелять.

А в нашей группе я самый лучший стрелок – с этим никто и не спорит.

Рывком перемахиваю через борт БМП, прямо в дыру, которая ранее была затянута брезентом.

Ну и где ты там, скотина?

Вот он – пульсирует на срезе ствола блеклое пламя.

Быстро готовлю к стрельбе автомат – ставлю на место от-

кидную приставку-увеличитель к коллиматорному прицелу.

Очередь!

Взвилась пыль вокруг треноги – не попал?

Еще!

Бзынь!

А вот это уже по мне... рикошетная пуля откуда-то отлетела. Заметил меня стрелок, крутанул джойстик и перенес огонь на приоритетную цель. С него будет достаточно попасть в БМП несколько раз... ан нет! По тем же самым правилам – цель под броней он поразить из пулемета не может! Был бы у него миномет... Но его нет! Однако не факт, что что-нибудь такое не приволокут...

Снова очередь, переключаюсь на одиночные – так точнее.

Выстрел, выстрел...

Завелся и оппонент – понял, куда я стреляю!

Рикошетные пули все чаще звякают о бортовую броню. Он не может меня поразить – даже условно, – но вполне способен отсюда не выпустить, под пули я и сам не полезу.

Бах!

И строчка трассеров перечеркнула небо в последний раз – турель поперхнулась.

Ракета!

Ребята перешли мост!

Выскакиваю наружу...

Хлопок – и облако дыма накрывает меня.

Имитационная граната «АГС»...

Минус два...

Но задача-то выполнена!

И все равно – минус два...

– Ну-с... – прохаживается перед строем Федорыч. – Двух человек вы все же потеряли да одного ранили – это минус! Но!

Он поднимает палец.

– «Трехсотого» своего вытащили – а это уже плюс! Плюсище, я бы сказал... Попутно морды тут некоторым, особо зазнаистым, качественно начистили – это уже от меня отдельный респект! По минам... в целом – неплохо, если бы не некоторые...

Инструктор пристально смотрит на Довлатова, отчего тот понуро наклоняет голову.

– Ну и по технике – вы хоть знаете, через какие-такие палатки проехались?

Остапенко пожимает плечами.

– Не разглядывал особо...

– А стоило бы! Это, если хотите знать, штаб учений! Яиц там, правда, никто не отложил, все же не институтки какие-нибудь – но переполох был изрядный! За такое дело от лица всего инструкторского состава вам всем отдельное спасибо! А то тут у нас некоторые дюже зазвездились последнее время...

Танкист качает головой.

– Да, стоило бы впритирку к некоторым палаткам прока-
титься.

Федорыч хмыкает.

– Что уж теперь-то рассусоливать? Короче!

Инструктор приосанивается, поправляет форменную куртку.

– Задание выполнено! С чем вас всех и поздравляю!

Строй сломался, со стороны подошли другие инструкторы. Нам жмут руки, хлопают по плечам...

А наутро я складывал вещи. Прибрался напоследок в комнате, придирчиво осмотрелся. В порядке вроде бы все...

Положение было вполне понятное.

Трое – Довлатов, Шевченко и я – из игры выбыли. «Убит», «ранен» – одноногственно. Не прошел! Хоть в пяти сантиметрах от финиша лег – без разницы.

Не без скрытого злорадства представляю себе раздумья судейского состава. Оба уцелевших – что Якупов, что Остапенко – мастера запредельные. Откровенно говоря, мы все на их фоне выглядим бледно. До них любому из нас – как до Пекина ползком.

Обиды никакой нет – все верно, к финишу вышли самые достойные. И это нормально. «Ты теперь в армии!»

Именно так.

Интересно, куда теперь нас законопатят?

Что не в одну часть – абсолютно очевидно. Раскидают ку-

да-нибудь... это и к бабке не ходи! Дамира реально жаль – парень очень старался. Но...

Вот Андрияха – он вообще перенес все стоически.

– Меня сюда аж с Камчатки выдернули! Куда бы теперь ни заслали – все не так далеко от дома будет, я-то питерский!

Интересно, а меня куда?

В дверь постучались.

– Разрешите?

– Да!

На пороге возник сержант-дневальный. Как и многие в этой части – с орденскими планками на груди.

– Товарищ старший лейтенант, вас вызывают в штаб. К пятнадцати часам вам приказано прибыть к командиру полка.

Ах, да...

Он ведь сказал тогда: через месяц.

Вчера как раз месяц и закончился.

– Понял, товарищ сержант. Прибыть к командиру полка к пятнадцати часам.

Что ж, надо полагать, там-то я и узнаю место будущей службы. Пожмет полковник руку на прощание, какие-нибудь слова теплые скажет – и вскоре я забуду про эту странную часть. Жаль, Слона больше не увижу, сюда-то меня более и на пушечный выстрел не подпустят. А его, аналогично, не выпустят.

Что ж, такова армейская специфика...

Ладно, время пока есть, спешить некуда. В комнате прибрано, вещи уложены. Не пойду на обед, нет желания никакого.

Проходя по коридору, я стукнулся в комнату к Андрею. Услышав незнакомый голос, заглянул и увидел солдата, занятого приборкой.

– А где старший лейтенант Шевченко?

– Так он еще утром выехал... Как в штаб ушел, так назад больше и не вернулся, только за вещами посыльный приходил.

То-то его даже на завтраке не было! А я-то думал, что он отсыпается...

Ну вот, и еще один человек исчез в неизвестном направлении. Жаль, мне он нравился – в некотором роде коллега.

Настроение испортилось окончательно, всякий аппетит вообще пропал. Да, в здешней столовой кормят весьма неплохо, но даже их кулинарные изыски меня отчего-то больше не прельщали.

Вернувшись в комнату, ставлю будильник на четырнадцать часов и заваливаюсь на кровать – поспим! Это не так-то уж и часто получается. Вот приеду в новую часть – там столько всего на башку разом упадет! О лишнем часе сна буду только мечтать.

Звуковой сигнал прогнал сон моментом – словно и не ложился вовсе. Вроде бы только что глаза закрыл – и опять

вставать? Бегу к умывальнику, наскоро ополаскиваю сонную морду. Щупаю подбородок – не выросла ли внезапно там щетина? Нет, но бритвой все же пройдуся – все-таки к командиру полка идти! Надо выглядеть!

Да, он не мой командир, но уважение к нему у меня есть – серьезный дядька. Судя по тому, как о нем отзывались инструкторы, – мужик этот реально правильный и знающий. Так что будем соответствовать...

Подгадав время, переступаю порог приемной комполка за десять минут до указанного времени. Мало ли... вдруг у меня часы отстают? Или у него спешат?

Вставший при моем появлении сержант-секретарь указывает на стул.

– Товарищ полковник примет вас через десять минут.

Стало быть, наши часы идут в ногу.

Что ж, подождем...

Пискнул на столе у секретаря телефон.

– Слушаю вас, товарищ полковник. Так точно, прибыл. Есть.

Сержант встает и указывает на дверь.

– Прошу вас, товарищ старший лейтенант. Комполка ждет.

Встаю, поправляю китель и стучусь в дверь.

Полковник стоял у окна, что-то рассматривая на улице. Повернувшись в мою сторону, выслушал рапорт и кивнул в сторону стула.

– Присаживайтесь...

Сам он устраивается напротив, и в его руках появляется папка – мое личное дело.

– Так... и что же у нас тут есть... Результаты прохождения, угу... рапорт подполковника Ковальского...

Это еще кто такой?

Видимо, уловив невысказанный вопрос, комполка охотно поясняет:

– Это ваш инструктор – вы его Федорычем называете.

Опа-здрасьте – так он подполковник? Ничего себе...

– Понятно... Итак, Дмитрий Михайлович, у меня к вам есть несколько вопросов.

– Да, товарищ полковник. Готов ответить на любой!

– День рождения Инессы Арманд?

– Э-э-э... ну...

Горбатов усмехается:

– А вы говорите на любой! Ладно... без чинов, товарищ старший лейтенант.

Вот это он меня подловил!

– Почему подрвался Довлатов?

– Поспешил. Да и не хотел передо мной лицом в грязь ударить – мол, он и без меня все проверил достаточно тщательно. Все-таки я лучше его в саперном деле разбираюсь...

Полковник кивает.

– Ну, в дальнейшем вы все сделали правильно. В реальной обстановке его удалось бы спасти. Второй вопрос: поче-

му Остапенко взял с собой вас, а не Якупова?

– В плане охраны Довлатова капитан был более полезен. Ведь стрелять нежелательно, а он и без всякой стрельбы смог бы уложить любой патруль. Да и потом... БМП же оказалась заминирована – а это уже работа для меня.

– Хорошая, кстати, работа – наши спецы уже оценили!

Те самые припарки мертвецу? Что ж, не стану скрывать – мне это приятно слышать.

Полковник перелистывает несколько страниц, что-то рассматривает.

– Почему вы вызвались прикрывать отходящую группу? Ведь БМП можно было поставить так, что мост оказался бы в непростреливаемой зоне. И вся группа смогла бы выйти вообще без потерь.

– Нет. Остапенко сказал, что на таком склоне машина сползет вниз, в реку. Там песок... остановившийся на таком крутом склоне транспорт попросту съедет по нему в воду. И нас накрыли бы прямо посередине моста. На записи это ведь должно присутствовать...

– Да? Возможно, что я что-то упустил...

Ага, щас! Упустил он... такой упустит! Это у него какие-то подковырки начались.

– И все же – почему именно вы? Вы моложе, быстрее передвигаетесь... смогли бы Довлатова и в одиночку дотащить!

– Я не настолько силен физически. Один бы я попросту его не дотащил. Во всяком случае, быстро не дотащил, там,

на мосту, нас обоих и положили бы. А вот Якупов с Остапенко – самое то в данном плане. Да и потом... они гораздо более ценны в профессиональном аспекте. Я имею в виду – для дела ценны.

Хозяин кабинета усмехается.

– Ну, раз вы этот вопрос затронули... Кто, по вашему мнению, может представить большую пользу для нашего подразделения? Якупов или Остапенко?

Вот это он сказал! Я ему кто – судья или эксперт?

– Ну... капитан Якупов!

– Почему он?

– Раз вы собираетесь воевать с вражескими кораблями, то я как-то смутно себе представляю, где и как можно в данном случае применить способности майора Остапенко. Танки ведь не умеют плавать! А вот в случае абордажа способности капитана Якупова однозначно будут востребованы! Если он подготовит пару десятков таких же драчунов... я не сильно завидую их противникам! И уж точно не сочувствую...

– Что ж, в данном случае наши мысли совпадают! А относительно танков... не будем пока забегать вперед, хорошо? – наклоняет голову набок Горбатов.

Можно подумать, что от моего мнения тут что-то зависит... но киваю в ответ.

– Вот и хорошо! Кстати, могу вас обрадовать! Капитан Якупов зачислен в штат – инструктором по рукопашному бою.

А что тут можно сказать? На своем месте мужик!

– Рад за него. Думаю, что в данном качестве он принесет гораздо больше пользы, нежели в роли обычного бойца.

– Хм! – усмехается полковник. – Вообще-то, он один из признанных мастеров по казачьему спасу. Да и в других видах единоборств тоже многого достиг. Фигура в определенных кругах знаковая!

И что бы нам всем сразу этого не сказать? А то у нас некоторые его всерьез побороть пробовали...

– Как я понимаю, и майор Остапенко...

– Мастер-механик⁴. Чемпион Дальневосточного военного округа. Неоднократный призер ряда всеармейских соревнований по вождению.

И нас всерьез готовили к тому, чтобы состязаться с такими монстрами своего дела?

– Ну... с такими мастерами бодаться... хоть не стыдно и проиграть!

– В смысле? – наклоняет голову набок комполка.

– Согласитесь, что не так обидно уступить серьезному, всеми признанному авторитету, нежели спасовать неведомо перед кем? Надеюсь, хоть их имена я в будущем упоминать могу? Мол, был когда-то знаком с такими вот серьезными дядьками...

– Вообще-то, упоминание имен и фамилий военнослужа-

⁴ Специалист, способный водить ВСЕ виды гусеничного военного автотранспорта.

щих нашей части не допускается... Вы же давали подписку!

– Так ведь... Ладно Якупов – он ваш инструктор по рукопашному бою. Тут согласен, я оплошность допустил. Но ведь Остапенко...

– Инструктор по вождению. Приказ подписан сегодня утром.

М-м-да... нечем крыть!

Развожу руками.

– Но ведь я этого не знал!

– Да, об этом никому, кроме военнослужащих нашего подразделения, не сообщалось.

Стоп...

Что он сказал?

«...Никому, кроме военнослужащих нашего подразделения...»

Что-то я плохо стал соображать... Меня-то это каким боком касается?

Полковник молчит и выжидающе на меня смотрит. Что я должен делать-то?

– Но... ведь полосу прошли только Остапенко и Якупов!

– Вы забыли про Довлатова.

– Он – не прошел! Его вынесли на руках. По условиям учений, он, разумеется, жив, но сказать, что он прошел этап, – нельзя.

– Вижу, что вы внимательно изучили все, что касается сдачи испытания. Это похвально. Напомните мне критерии

выставления положительной оценки.

И что там у них об этом написано?

– Прохождение этапа самостоятельно или на технике – раз! Спасение пострадавшего – два.

И...

– Ну?

– Обеспечение прохождения группы без потерь...

– Ой ли? – щурится Горбатов. – По-моему, так этот пункт изложен несколько в иной редакции...

Он берет со стола несколько скрепленных листков бумаги. Перелистывает.

– Вот! «...Обеспечение прохождения этапа в целом или особо сложного его участка...» Так?

– По-моему, там есть еще и дополнение.

Полковник улыбается.

– Есть. «...Сложность прохождения тех или иных участков оценивается членами экзаменационной комиссии после изучения всех представленных материалов, в том числе и данных средств объективного контроля...» На этот раз я ничего не упустил?

– Вам виднее. Честно сказать, я этот пункт не очень запомнил. Так-то глазами пробежал... Но ведь Слон, простите, подполковник Снежный мне сказал, что экзамен сдает только один человек из пяти! А тут – уже двое! Якупов и Остапенко...

– Он вам ни разу не соврал. Действительно, экзамен может

сдать только один из пяти курсантов.

Все, я окончательно запутался. Выходит, что Слон прав? Тогда, простите, какого черта полковник ваньку тут валяет?

– Майор с капитаном – не курсанты. Они – кандидаты на инструкторскую должность. Так положено, чтобы будущие преподаватели сдавали экзамены наравне со всеми прочими. Не может никого учить человек, который сам не смог пройти там, где прошли его слушатели...

Должен признать, что здоровое зерно в словах комполка имеется. Как это в авиации говорят?

«Чем отличается замполит от комэска?»⁵ Комэск говорит: делай, как я; а замполит: делай, как я говорю».

Что ж, все верно. Нельзя отправлять человека туда, где ты сам не ходил. Я заранее сочувствую некоторым будущим ученикам...

– ...Так что курсантов в вашей группе, строго говоря, было трое. Вы, Шевченко и Довлатов, – продолжает между тем Горбатов. – Довлатов «подорвался», Шевченко «зарезали»...

– А меня «уложили» из гранатомета.

– Вам напомнить третий пункт? Члены судейской бригады в данном случае были единодушны: без вас группа не перешла бы мост. Шансов на это не имелось. Почти никаких. Вы же вызвались добровольцем, хотя не могли не понимать, что сознательно отказываетесь от успешного завершения за-

⁵ Командира эскадрильи.

дания. А ведь можно было попробовать перебежать мост в одиночку! Такие случаи были... Ваши же шансы вообще учету и осмыслению не поддаются. Могу отметить, что случаи поражения турели из легкого стрелкового оружия я могу считать по пальцам одной руки!

Он кладет на стол бумаги и встает.

Я торопливо поднимаюсь со своего места.

– Поздравляю с успешной сдачей вступительного испытания, товарищ старший лейтенант!

– Спасибо, товарищ полковник!

– А теперь, Дмитрий Михайлович, вам дорога в строевой отдел. Надолго не прощаюсь – через месяц жду вас у себя. Так сказать, впечатлениями поделитесь...

Беру под козырек, поворачиваюсь... и за дверью попадаю в объятия Слона.

– Ты знал?

– Еще вчера!

– И ничего не сказал?! Эх, ты...

– Ну, окончательное решение у нас принимает все-таки Седой... так что я не стал бежать впереди паровоза!

Уже выйдя на улицу, я оборачиваюсь к Снежному.

– Слушай, а вот Горбатов сказал, что кто-то уже перебежал мост...

– Было дело. Я помню шесть таких случаев.

– И как?

– В двух случаях они оставили за собою раненых...

Резко торможу.

– И их приняли?

– Нет. А ты сомневался?

– Итак, перед вами образец стрелкового вооружения противника...

Тут уж без всяких там «вероятных» – с «черными кораблями» у нас всех дружба как-то вот не задалась...

На столе лежит несколько непривычный для нас агрегат.

Зализанные формы, слегка изогнутая рукоятка управления огнем. Длинный и плоский магазин пристегивается снизу. По типу нашего «Бизона». Только у того магазин круглый, шнековый. А этот чем-то похож на аналогичный у «П-90». Разве что потолще и подлиннее. У земного аналога он крепится сверху, ну а тут перенесли в другое место.

Оружие выглядит как-то... несолидно, что ли...

– Возьмите в руки.

Стволов на столе несколько, хватит на всех.

Верчу агрегат в руках, прикладываюсь, подношу к плечу. Непривычно и не очень удобно.

– В левую руку, – подсказывает инструктор.

Опа!

А совсем другое дело!

– Данное оружие получило у нас наименование «метла».

Ваши соображения по данному поводу?

Хм...

«Метла»... помнится мне, что «окопная метла»⁶ когда-то уже существовала. Не оттуда ли ноги растут?

Поднимаю руку и, дождавшись кивка инструктора, высказываю свои соображения. Мол, по аналогии с известным дробовиком названо.

– Разумно, – соглашается он. – Вы правы, именно что по аналогии названо. Отсоедините магазин. Защелка внизу, спереди.

С освободившегося торца магазина виднеются два отверстия, в настоящий момент закрытых какими-то шторками. Надо полагать, при присоединении к оружию они сдвигаются.

– В верхнем отсеке располагаются пули – стальные шары калибра восемь миллиметров. В нижний под давлением закачана порция жидкого метательного вещества. Оно двухкомпонентное, смешение производится непосредственно в патроннике. Так что в исходном состоянии оно абсолютно безопасно – хоть пляшите на магазине, ничего не произойдет.

– И в рыло супостату можно засветить? – интересуется кто-то из слушателей.

– Абсолютно без проблем, – кивает преподаватель. – Можете бить по нему молотком, поджигать... смешение должно производиться строго в определенных пропорциях. Только

⁶ Дробовик 12-го калибра, применявшийся американцами во Второй мировой войне.

тогда это вещество взрывается. В остальных случаях – просто горит.

– А какова эффективность по сравнению с известными порохами? – вставляет пять копеек мой сосед слева.

– Наши пироксилиновые пороха уступают ему почти в два раза. Западные нитроглицериновые – значительно меньше. Однако следует заметить, что данное вещество крайне нетермостабилизированное – его мощность зависит от окружающей температуры. Иными словами – на Северном полюсе данное оружие будет работать значительно хуже. Но будет.

Из дальнейших объяснений мы поняли, что каждый боец противника носит с собой по восемь снаряженных магазинов. А исходя из того, что в них по шестьдесят пуль... тот еще стальной вихрь получается! Почти полтысячи выстрелов в запасе – сурово!

Верчу магазин в руках.

А вот, скажите на милость, заряжать-то его каким образом?

– Магазины боец самостоятельно не перезаряжает, он их получает уже в готовом к использованию виде. Снаряжение производится на специальной установке – десять секунд на один магазин.

Итого – полторы минуты. Готово – можно воевать дальше.

– Некоторое количество снаряженных магазинов (около сорока штук) имеет при себе специальный подносчик боеприпасов. Во взводе – он состоит из тридцати человек – та-

ких подносчиков пятеро. В бою они обычно не принимают участия, хотя тоже вооружены наравне со всеми. Помимо магазинов, они переносят также и гранаты – но это тема следующих занятий, – продолжает преподаватель.

Структурно штурмовые взводы сведены в роту: шесть взводов – сто восемьдесят человек. При этом имеется еще один взвод – управления и технического обеспечения. Еще тридцать бойцов. Вот в этом взводе и находится та самая установка заряжания – серьезный такой агрегат весом более полутонны. Его можно катать за собой, он на колесном ходу. Агрегат способен обеспечить две перезарядки всего наличного вооружения.

Интересная у них структура... Получается, что боеспособность роты в значительной мере зависит от правильной работы взвода обеспечения?

Надо будет поподробнее расспросить потом инструктора! И еще один момент...

– Простите, если я правильно понял, то оружие гладкоствольное?

– Да. И скорострельное – чуть менее тысячи выстрелов в минуту. Достаточно долговечное – ввиду отсутствия нарезов в стволе там просто нечему стираться.

Что-то здесь не срастается! Гладкий ствол... это же на какую дальность они стрелять собрались? Похоже, что этот вопрос озадачил не только меня. Ребята переглядываются.

– Эффективная прицельная дальность «метлы» – порядка

трехсот метров.

Э-э-э... триста метров? Тот же «ППС» их переплюнет играючи!

На лицах товарищей замечаю аналогичное недоумение. Как-то все это странно выглядит. «Черные корабли» показали настолько подавляющее превосходство в некоторых областях, так что и в плане легкой стрелковки мы ожидали чего-то невероятного. И вдруг – гладкоствольный автомат, стреляющий стальными шариками? Не стыкуется тут что-то...

– И тем не менее, – пожимает плечами преподаватель, – другого оружия, сопоставимого по своим боевым характеристикам с «метлой», у них не обнаружено.

Ему верить можно – мужик в прошлом ведущий эксперт-оружейник экспертно-криминалистического центра МВД, полковник, начальник управления. Опыт – громадный! И если он что-то утверждает, то и вопросов никаких быть не может.

Видя наше недоумение, он поясняет следующее.

Все штурмовые подразделения предназначены в основном для abordaжных схваток. В условиях схватки на палубах и в прочих корабельных помещениях большая дальность стрельбы и не требуется. Отсюда и материал пуль – стальные шары обладают высокой пробивной способностью и дают частые ricochets. Что позволяет иногда поражать противника даже и за укрытием. А высокий темп стрельбы обеспечивает

требуемую плотность огня в нужной точке.

Рота высаживается на борт, засыпает противника сталью и медленно прогрызает оборону. А слаженная работа взвода обеспечения позволяет поддерживать высокий темп стрельбы, не давая обороняющимся поднять голову.

Да, с той стороны присутствует, как правило, аналогичное подразделение – так что выигрывает тот, чьи бойцы лучше обучены. Практически на каждом корабле вайнов есть штурмовая рота. Иногда даже две или три – в зависимости от размера корабля и возможностей капитана.

Положение облегчается еще и тем обстоятельством, что взятый на абордаж корабль, как правило, уже достаточно поврежден артиллерией и его команда уже понесла к тому времени большие потери. Что не может не сказываться на слаженной работе защитников.

– А пули потом просто собирают магнитным захватом... это достаточно просто и весьма эффективно. Есть даже видеозаписи этого процесса.

Выходит, что противник в основном воюет на море?

– Да, сухопутные десанты достаточно редки. Во всяком случае, так утверждают обнаруженные нами записи. Но и в этих случаях штурмовые роты не удаляются достаточно далеко от берега, чтобы артиллерия кораблей могла бы их прикрывать. Без прикрытия артогнем вайны не воюют вообще. Вся промышленность противника расположена в основном на небольшом удалении от берега. Не тащить же кор-

пус построенного корабля к воде за несколько километров! Так что корабельные орудия вполне свободно могут обстреливать все подступы к интересующим их объектам.

– А сами объекты? – тот самый мой любопытный сосед.

– Зачем же уничтожать то, что можно захватить? Захват – вот цель любого рейда!

Поднимаю руку.

– Скажите, товарищ полковник, а тактика противника никаких изменений не претерпела? Все-таки они столкнулись с нами...

– А зачем? Они где-то высаживались на землю? Штурмовали города? Даже в австралийской операции оборона островов осуществлялась наемниками-землянами. Как оказалось, командирам «черных кораблей» проще нанять аборигенов. Они презируют людей, которые ходят, живут и умирают на земле – в их идеологии такие стоят на низшей ступени иерархии.

Вот такие пироги...

Когда же дошло дело до изучения гранат, слова полковника нашли еще одно подтверждение. Эти снаряды, имея относительно небольшой заряд взрывчатки, обеспечивали, однако, достаточно высокую плотность готовых осколков на близкой дистанции. Так, чтобы гарантированно поразить людей, не причиняя при этом особого вреда корабельным механизмам.

Да уж... невысоко ценят наши противники собственную

жизнь – гораздо меньше, чем какую-нибудь деталь судовой машинерии... Что уж тут про чужие-то жизни вообще говорить!

– А чему вы, собственно говоря, удивляетесь? – пожимает плечами очередной инструктор. – Попасть на борт – заветная мечта для очень многих! Надо учитывать, что весь состав и ряд технических должностей – это вайны, элита того мира. А все прочие – хорны, «пыль земли». Для любого из них даже сам факт зачисления в команду – удача невероятная! Шанс умереть почетной смертью – в море. Семья такого человека получает определенные льготы, его родственники пользуются преимущественным правом при комплектовании новой команды. Есть, пусть и чисто теоретические, шансы на занятие офицерской должности!

Понятно, почему команды кораблей отличаются в бою прямо-таки фанатичной стойкостью – за их спиной сложившиеся традиции. Мнение родных и близких – тоже весьма серьезный довод. И все это мы должны знать в мелочах...

Хотя, положа руку на сердце, на многие вопросы не могут ответить и наши преподаватели – недостаточно информации.

И так – изо дня в день. Учеба, тренировки, марш-броски... и изучение техники и оружия врага.

Довелось мне и из «метлы» пострелять.

Впечатлило...

Весь магазин вылетал менее чем за две секунды, превра-

щая мишень в подобие сита. Кучность на близкой дистанции оказалась еще та...

А при стрельбе в условиях корабля (на специальном закрытом полигоне) вихрь стальных шаров, рикошетирующих во все стороны от переборок и преград, легко дырявил мишени даже в непростреливаемых вроде бы зонах. Мы вынуждены были признать, что как раз для данной ситуации это оружие оказалось едва ли не оптимальным решением.

Попутно выяснилась и еще одна загадка: отчего «метлу» удобнее держать в левой руке. При таком темпе стрельбы, да еще и в условиях закрытого пространства, уже не так важна точность – один хрен, что-нибудь во врага прилетит. А вот перезаряжать данный агрегат удобнее все же правой рукой. В которой, кстати, полагается держать еще и абордажный кинжал – на случай рукопашной схватки.

Между прочим, очень хорошее оружие!

Обоюдоострый, хорошо сбалансированный клинок, рукоять которого ложилась в ладонь как влитая. Прочная качественная сталь, хорошая отделка – надежное и удобное оружие!

А офицерский – так вообще произведение искусства! Гравировка, инкрустация золотом и серебром – такому оружию в музее место! А не на поясе какого-нибудь головореза...

– Холодное оружие – знак отличия. Каждый член экипажа получает свой кинжал непосредственно от командира и носит его с собой постоянно, не расставаясь с ним нико-

гда. Лишение кинжала – сродни тяжкому наказанию. Некоторые предпочитают умереть – но с оружием не расстаться. По смерти владельца, если его тело не погибло в водной пучине, кинжал хранят в семье вечно. Как знак заслуг семьи. Продать или обменять – невозможно, он именной. Никто не рискнет купить чужое оружие – это тягчайшее преступление. Взять с боя – напротив, очень почетно! Хорн, взявший в качестве трофея офицерский кинжал, может претендовать на офицерский чин. В том случае, если сможет доказать, что победил противника честно и на равном оружии, – поясняет преподаватель.

– На равном... Это как? – интересуюсь я.

– Желательно в поединке на кинжалах. Застрелить офицера, который не имеет при себе огнестрельного оружия, – позорно. За такое могут и взгреть... причем крайне серьезно. Высадят на землю и расстреляют. Специально на земле, чтобы смерть была не героической.

– То есть в офицеров и стрелять нельзя, что ли?

– Можно – в обычной перестрелке. Но если он предлагает бой на кинжалах – отказ немислим.

Понятно, отчего нас так тщательно тренируют и в этом плане...

– И любого офицера можно вызвать на поединок?

– Хорну – нет. Он такого права не имеет по определению. Поединок возможен лишь между равными или по решению офицера. Если он этого пожелает, разумеется, – скрестить

клинки с нижестоящим... Вот в бою – другое дело, тут вариантов отказа немного. Но офицеры, как правило, хорошо подготовлены и имеют все шансы выйти победителями из подобной стычки. А так да – офицер может вызвать любого офицера. Даже командира корабля. Хотя тот может и отказаться, не объясняя причин. Его право...

– И что будет, если вызвавший убьет командира корабля?

– Если это его командир – может занять его место.

– А если чужой?

Подполковник улыбается.

– Видите ли... Войны в том мире – это стычки между капитанами кораблей. Команда – лишь инструмент для ведения войны. Так что всякое может быть...

В общем, мы учились. Всему, что только могло пригодиться в войне. И, глядя на все эти приготовления, я постепенно начал понимать: воевать Россия, как всегда, собралась по-своему. Явно не так, как этого следовало бы ожидать...

Да, нам приходилось пересекаться с флотскими спецами – и я долгое время ходил после этого малость обалдевший. Нет, в том, что эти парни сильно себе на уме, никто и раньше не сомневался, но вот чтобы настолько... М-м-да... похоже, что множество самых невероятных слухов, которые про них распускают всякие умники, не совсем уж оторваны от реальности.

Впрочем, нас их проблемами не грузили.

– У всех вас своя задача и свой фронт работ! – отрезал на построении Седой. – И я лично спрошу с каждого, кто не сможет выполнить порученное ему задание!

Этот спросит...

Пораскинув умными головами, руководство определило мне конкретный фронт работ. Инструкторский состав ехидно, должно быть, усмехнулся – и взял под козырек.

– Задача вашей группы, товарищ старший лейтенант, – «обрадовал» меня подполковник Ковальский, – состоит в следующем...

И на стол передо мной лег план занятий.

Да уж... поработала фантазия у некоторых...

1. Действия группы при штурме укрепленных объектов.
2. Использование минно-взрывных средств при штурме укрепленных объектов.
3. Применение минно-взрывных средств и носимого вооружения в условиях промышленных предприятий и объектов с оборудованием высокой технической сложности.

Если кто-то наивно полагает, что этим все и ограничилось, то мне остается только печально вздохнуть...

И развести руками.

Это, так сказать, наша специализация, но она абсолютно не исключает всего прочего – скорее, добавляет кое-что новое.

Иными словами, при штурме завода или, например, электростанции – мы идем на острие удара. Мало счастья в том, что кто-либо шарахнет из гранатомета по какому-нибудь реактору. Наподдать может так, что некому будет докладывать о допущенном ляпе.

Вполне может выйти и то, что даже и рапорта никакого не потребуется – результаты проделанной работы (а точнее – ошибки в ее проведении) могут быть видны *слишком* далеко.

Приходилось кому-нибудь слышать про инженерно-штурмовые подразделения?

Не про те хорошо известные инженерно-штурмовые батальоны времен Отечественной войны, а про их современные аналоги?

Я как-то краем уха эту информацию зацепил. Даже и не думал никогда, что это меня хоть каким-то боком затронет.

Ну, создают чего-то там такое... так у нас много чего придумывают, особенно в последнее время. Сегодня создали, а завтра уже глядь – и расформировали! За всем не уследить...

Но, положив руку на сердце, думаю, что современные части подобного профиля могли бы многому научиться и у нас. Ибо есть чему...

Я по простоте душевной полагал, что со всякими там минами знаком хорошо. Не профессиональный, разумеется, сапер – но и не полный все же лопух.

Ага...

Облом вышел достаточно жестким.

А второй раз меня «макнули» мордой в это самое, когда наша группа штурмовала очередное «промышленное» здание.

Как всегда, после доклада разведчиков командир определил нам участок работы:

– Вон та башенка... явно в ней какая-то машинерия стоит! Провода к ней идут, трубопроводы всякие...

– И рельсы прямо в ворота проложены – точно что-то основательное туда подвозят.

Здесь надобно сделать «лирическое» отступление.

Оборудованием подобных позиций и объектов занимается специальная инженерно-техническая служба – она тут рулит всеми учебными площадками. В том, разумеется, понятии, что определяет – где, что и каким образом надобно установить и какую конкретную гадость надобно измыслить в этот раз.

Ну, с постройками все понятно – есть тут специализированный «стройбат». Ага, по два высших образования у каждого офицера...

А вот конкретные гадости – их мастрячит уж наш брат-сослуживец. Здесь они мину засобачат, там засаду организуют...

А потом меняемся местами. И уже мы организуем им всевозможные ловушки.

Мало что-то захватить – надо еще и удержать, если это потребуется! Да так, чтобы оно все работать потом могло!

Так что грамотно спланировать захват – это работенка не для Ваньки-взводного. При всем моем уважении к обычной пехоте, здесь они не пляшут. Хотя и там частенько попадают крайне сообразительные и умелые парни...

Однако же нас сюда отбирали тоже не по гороскопу – учли опыт каждого. Совсем уж круглых лопухов тут нет, да и просто по определению быть не может. Третий народ, соображающий, с немалым боевым опытом.

Правда, и на той стороне далеко не первоклашки собрались.

Поэтому командир предельно внимателен ко всевозможным мелочам.

Провода заходят на второй этаж?

Значит, там вполне возможно присутствие понижающего трансформатора – а это несколько десятков литров масла. А ну как полыхнет? Стало быть, гранатами там не работаем, да и из огнестрела – только пистолеты. Противник это тоже учел? Хорошо, а как насчет обыкновенных взрывпакетов? Осколков не дают, а под трансформатор их никто бросать не собирается...

«Башенка» имеет четыре этажа? И плоскую крышу?

Значит, есть вероятность наличия на ней поста. Да не обычного автоматчика, а чего-нибудь посущественнее.

Работа для снайпера.

Входов-выходов два? Большие транспортные ворота и обыкновенная дверь?

За такой дверью может быть расположен КПП – надо ожидать искусственного сужения прохода. Быстро там не побегаешь, да и охрана станет мешать. Раз так – мы через дверь не пойдем.

– Ларин, на тебе петли ворот – створки урони!

Правильное решение, КПП у двери помешать не сможет – он на приличном удалении от ворот расположен. Да и ведет такая дверь обычно не только в помещения первого этажа, где-то рядом еще и лестница наверх имеется. Охрана сразу два направления прикрывает – на первый этаж и заодно на все последующие. Удобно это и личный состав позволяет экономить.

А «башенка»-то немаленькая!

На первый этаж спокойно фура-длинномер помещается. Рельсы внутрь заходят... Стало быть, и вагон можно загнать, а то и не один.

Значит, есть там какой-то пандус для разгрузки. И в таких местах запросто могут оборудовать стрелковую ячейку. Положат пару десятков мешков с песком, посадят автоматчика – выковыривай его потом оттуда!

Подал знак наблюдатель – в прибор засекли часового на крыше. Срисовали и еще одного, который ходил по третьему этажу, периодически появляясь в окнах и осматривая прилегающую территорию.

Около строения притормаживает автомобиль. Хлопнув дверью, на улицу выбираются двое солдат, достают из кузова термосы и топают к дому. Ага, это обед привезли!

Два термоса – первое и второе. На плече одного из бывших висит матерчатая сумка, должно быть, с хлебом. Чай, или что там еще полагается, надо думать, и на месте сварганить можно.

И сколько народа можно накормить из стандартного армейского термоса? Ну... вообще-то, до фига, это уже от размеров порции и скупердяйства повара зависит... человек пятнадцать-двадцать вполне могут очень даже сытно перекусить. Еще и добавка останется.

Ждем...

Через некоторое время парочка выходит назад, убирает в кузов опустевшую тару, и машина уезжает восвояси.

Командир смотрит на часы.

– За двадцать минут управились. А часового сменили только что... сменщик снизу поднялся. В одну смену они там едят!

– Сунуть бы им чего-нибудь в этот термос... – предлагаю я.

– Идея хорошая, но ведь мы не знаем пароля на вход. Как им дверь открывают, что при этом спрашивают... Да и вечера ждать надобно в этом случае – по времени не уложимся!

Решено – штурмовые тройки расходятся по позициям. Точнее – расползаются.

Команда – работает снайпер.

– Есть!

Это значит, что лазерный импульс имитатора стрельбы поразил часового – теперь тот сидит на месте, не предпринимая никаких попыток оповестить своих товарищей.

– Второй!

По этой команде из травы приподнимаются мои стрелки.

Хлопок – и учебные гранаты устремляются к цели. При точном попадании в петли посредник засчитает их разрушение – и ворота откроют. Да и по жизни, если бы в данные точки прилетела противотанковая реактивная граната... створки не просто бы распахнулись – рухнули с немалым шумом и грохотом!

Выстрел – на землю падает отстрелянный тубус. А второй номер подает уже готовый к работе гранатомет.

– Попадание зафиксировано, – бесстрастно подтверждает посредник на нашей частоте.

– Дым!

И хлопает около раскрывающихся ворот дымовая граната.

– Пошли!

Опущены нашлемные тепловизоры – рывок!

Дым плохо проникаем для глаз и приборов ночного видения, но тепловизору он не помеха. Ну, скажем так, не всякий дым...

Вот и мы видим какое-то мельтешение тепловых пятен, никак не собирающихся в привычную картинку.

Хлоп! Хлоп!

Ребята стреляют почти на бегу, только ненадолго останавливаясь, чтобы прицелиться.

Улетают в направлении возможной огневой точки гранаты из подствольников. Пять штук! Должно хватить...

– К двери!

И туда тут же сворачивает одна из групп. Рывок двери на себя, бросок гранаты, пауза, взрыв, потом светозвуковая – и на штурм...

Эти действия нами давно отработаны, привычны и естественны. Проверены и отточены на многочисленных тренировках. Даже медведя можно научить ездить на велосипеде, что уж про людей-то говорить? Особенно когда им самим это зачем-то требуется...

Гулко, как ломом по пустой бочке, ударил внезапно пулемет.

И – совсем не там, где мы предполагали его местонахождение!

Плохо видимые сквозь густой дым вспышки мигают прямо напротив распахнутых ворот. Напротив – и в паре метров выше уровня пола. У них там что, пулеметная вышка?

Падаю на колени, вскидываю автомат...

Хлоп!

Перезарядка!

Еще одна граната...

Перезарядка!

А вот третьего выстрела не происходит. Напрасно я жму на спуск гранатомета. Не работает и автомат.

Скосив глаза вбок, вижу пульсирующий датчик попадания.

Амба... подстрелили...

— Прекратить штурм! — прорезается в наушниках голос посредника. — Подразделение понесло тяжелые потери — свыше пятидесяти процентов личного состава!

Так... со штурмом облом.

Впрочем, посредник не остановил бы атаку, если бы у нас имелись хоть какие-то шансы на успех. Что же, их совсем, выходит, нет?

Понемногу рассеивается дым, и перед нами, прямо на рельсах, вырисовывается нечто...

Обыкновенный броневаягон, словно из музея его сюда при-тащили. Но с вполне современными пулеметами в амбразурах. Он возвышается в глубине помещения, ничуть не препятствуя затаскивать сюда платформы с грузами.

Никакого укрытия из мешков с песком на пандусе (все же мы правильно предположили его существование!) не имеется. Да и зачем, когда эта стальная громадина вполне надежно тут все контролирует? Никакими гранатами ее не взять, даже и пробовать бесполезно. Разве что затащить снизу пару пудов тротила? Или «Шмелем» шарахнуть издали...

Из дверей бронекоробки выглядывают довольные морды солдат гарнизона. Что ж, у них есть повод для веселья...

Но все внезапно изменилось в один, далеко не прекрасный, день. Вместо занятий у нас объявили общее построение.

Впервые я, наконец, увидел сразу весь личный состав полка – и немало этим впечатлился! Ну, пусть и не весь... но по численности полк можно было именовать таковым с очень большой натяжкой! Тут, скорее уж, к бригаде ближе!

– Сегодня днем, – поднес ко рту микрофон комполка, – объединенная международная эскадра вступила в бой с «черными кораблями»...

Так...

Началось!

– Потоплено два корабля противника. Есть потери и с нашей стороны – и весьма значительные. Противник укрепился на берегу, откуда был открыт оружейный огонь по эскадре.

Занятия и тренировки были отменены, весь личный состав срочно отозван из командировок и отпусков. Полк перевели в режим повышенной боеготовности.

Так прошло несколько дней.

На близлежащий аэродром в срочном порядке приземлились тяжелые транспортники. Прибыла здоровенная колонна какой-то спецтехники – ее тотчас же отвели в автопарк, освободив боксы от наших автомобилей. Их, в свою очередь, выстроили на плацу.

Мы несколько раз проверили и перепроверили все свое

снаряжение, отрепетировали посадку на самолеты.

И снова – ждем...

Проснулся я от того, что дневальный настойчиво барабанил в дверь моей комнаты.

– Товарищ старший лейтенант! Вас срочно вызывают в штаб полка!

Раз срочно – то поспешим.

Впрочем, никуда бежать не пришлось, около дверей общежития уже ожидал дежурный автомобиль. Вызвали, как я понял, не только меня – в кузове уже сидели несколько человек. Кого-то я знал, а некоторых видел вообще в первый раз.

В здании штаба нас сразу же провели в оперативный класс. Привычное помещение как-то внезапно преобразилось, приобретя несколько незнакомый вид – поприбавилось на столах всяческой аппаратуры.

– Товарищи офицеры!

Да, рядового и сержантского состава – даже контрактников в нашей части очень немного, в основном на обслуживающих должностях. А здесь их не имелось вообще – ниже старшего лейтенанта никого не было.

Из двери появляется полковник. Не один, позади вышагивает какой-то мужик совершенно штатского обличья. Да, он тоже одет в военную форму. Но обычный шпак, надевший мундир, всегда отличается от офицера в гражданке – и здесь никому это объяснять не нужно.

– Товарищи офицеры! Прошу садиться... – Седой опус-

кается на свое место.

Слева от него присаживается и незнакомец. Погоны полковника, эмблем отсюда не вижу, а никаких шевронов на его одежде нет. Но от него прямо-таки веет какой-то спецслужбой! Насмотрелся я в свое время на таких неприметных товарищей... Да и не я один; вижу, как прищурился Слон – он сидит неподалеку от меня. А у него глаз наметан!

– «Черные корабли» обстреляли Нью-Йорк! – нарушает напряженную тишину комполка. – Потоплено несколько торговых судов, имеются жертвы и разрушения на берегу. Масштабы устанавливаются...

Ох, ни хрена ж себе заявочка!

Устанавливаются... сколько же там наворочали-то?

– Предвосхищая ваш вопрос, отвечу. Корабли противника ушли. Потопить их не удалось.

Представляю себе, что там сейчас творится... небось истерика знатная!

– Но это дело военно-морского флота США. Нас данная проблема пока не затрагивает.

Горбатов обводит присутствующих внимательным взглядом. Облизывает губы. Блин, так комполка волнуется! Аж губы пересохли... Что же он такого хочет сказать?

– Перед нами поставлена крайне сложная и ответственная задача. Подчеркиваю – я никому приказать здесь не могу! Мне нужны исключительно добровольцы! Ибо шанс на успешное выполнение данного поручения...

Он на секунду замолкает.

– Короче – нет его! Не то чтобы он был ничтожно мал – найти пресловутую черную кошку в темной комнате, наверное, значительно проще. Но задача перед нами поставлена, и мы должны ее выполнить.

Тишина – даже дыхание все затаили.

– Мне нужно пять групп. По шесть человек в каждой. Саперы, специалисты по всевозможным ловушкам – и боевое охранение указанной парочки. Связист – ну, это уж само собою разумеется... Вопросы?

– Разрешите, товарищ полковник? – приподнимается с места незнакомый капитан.

– Пожалуйста.

– Капитан Скворцов! Характер обезвреживаемого взрывного устройства?

– Портативный ядерный фугас М-159 Mod. 4 SADM.

Екарный бабай... а чего попроще они там отыскать не смогли? Эшелон тротила, например? Который заминировал полоумный террорист-одиночка. Ага, и прямо на центральном вокзале большого города... Бывают же у них и такие – сам в кино видел!

Капитан же выглядит совершенно спокойным.

– Но данный фугас, который приведен в боевое положение, невозможно обезвредить без наличия специальной чеки. В этом случае, товарищ полковник, задача принципиально невыполнима.

– Вы получите эти чеки, товарищ капитан! – впервые открыл рот спутник комполка. – По данному вопросу проблем никаких не будет.

Охренеть – не встать! Это, между нами, девочками, говоря, вообще-то, секрет государственной важности. Чтобы такую штуку просто из хранилища вынести, не говоря уж о том, чтобы постороннему передать... это же три пуда бумаги исписать надобно!

Скворцов пожимает плечами.

– Ну... тогда может быть... Но, как я понимаю, это еще не все сложности?

Правильно капитан понимает...

– Прошу остаться только тех, кто уверен в своей способности правильно выполнить подобную задачу. – Седой еще раз окидывает собравшихся взглядом. – Я никого не хочу обидеть недоверием, но цена ошибки слишком высока! Смею вас уверить, что для того, чтобы объективно оценить свои способности в данном случае, тоже требуется изрядная смелость! Если вы хоть в чем-то сомневаетесь – лучше откажитесь сразу! Мы не можем подвести друг друга...

Он приподнимается с места.

– На раздумья – пять минут! Пойдемте, Павел Васильевич...

За их спинами закрывается дверь.

Поворачиваюсь и замечаю пристальный взгляд Снежного. Увидев мое движение, подполковник кивает.

Значит, идем вместе?

– Итак, – указывает на карту спутник Седого, – у нас есть возможные районы закладки фугаса. Таковых мест – пять. Именно поэтому нами и подготавливается столько групп, по количеству точек, которые нужно обследовать. Предположительно известно и время подрыва. Через пять-шесть дней.

Пока я ничего тревожного в его словах не слышу. Ну, фугас... ядерный... и что? Можно подумать, что двадцать кило тротила оставят мне хоть какой-то шанс! Вот ребятам... этим да, прилетит незаслуженно... Пожалуй, в словах полковника есть суровая правда – не так-то все и радужно обстоит!

– Обстановка существенно осложняется тем, что действовать мы с вами будем на территории США. Там объявлено военное положение, и все стоят на ушах – по всей стране.

Могу себе представить...

– По ряду серьезных причин, которые не время и не место обсуждать, их президент не может допустить в страну спецподразделения другого государства. Со всем оружием и спецснаряжением, само собою разумеется. Аналогично, и мы не можем предоставить в их распоряжение свою технику и аппаратуру. Сами понимаете почему...

Ну, насколько я в курсе дела, президент США, хоть и является верховным главнокомандующим, тоже ни разу не диктатор и какие-то вопросы обязан согласовывать еще с

кем-то. Вполне вероятно, что подобное решение он действительно не имеет права принять единолично. Впрочем, хрен бы с ним! На нас-то это как может повлиять?

Оказалось, однако, что может – да еще как!

– Дело в том, – продолжает полковник, – что за подобные «вольности» президенту вполне может светить импичмент – и очень быстро! Так что наше положение осложняется еще и тем фактом, что на территории страны мы находимся как бы нелегально. Да, есть *личная* устная просьба президента США. В курсе дела также министр обороны и еще парочка высших руководителей. И все... Учтите, что фугас заложен не вайнами!

– А кем же? – спрашивает кто-то позади меня.

– Имя исполнителя известно – Билл Аткинс. Ветеран военной службы, неоднократно награжденный и все такое прочее... В течение ряда лет безуспешно судился с правительством США.

Стоп... А мы-то тогда тут при чем? Это ведь внутренние разборки американцев!

– Вайны оказали помощь Аткинсу – место закладки заряда прикрито искажающими полями.

Теперь яснее... Обнаруживать сам факт работы искажающих генераторов – это пока можем только мы. Сами американцы на это потратят уйму времени.

– И такая работа уже проведена. Разумеется, дистанционно. НОРАД сделало вид, что не заметило пролета наших

разведывательных аппаратов. Поэтому нам и потребовалось только пять групп.

То есть американцы попросту отвернулись в нужный момент. Разумно... пожалуй, что это лучшее, что они могли сделать в сложившейся ситуации. Мол, не видел, спал...

– Точно так же они сделают и в момент выброски десанта – вас попросту «не увидят». Но это вовсе не означает, что аналогичным образом поступят и все прочие. Не забывайте – диверсии против восстанавливаемых линкоров были осуществлены на территории США! И там принимало участие изрядное количество американцев. Кто-то же последовательно блокировал и все инициативы, связанные с этим восстановлением, – они ведь тоже не с Марса прилетели! Так что единства там нет – напротив, имеется изрядное количество противников действующего президента и правительства. И кое-кто из них имеет новых союзников... из числа команд «черных кораблей».

Стало быть, спать (если сможем) будем вполглаза. И ждать бяки от каждого встречного – хоть бы и от мирного обывателя.

– Простите, товарищ полковник, – приподнимаюсь я с места, – но ведь как-то же можно было залегендировать наше присутствие там? А то не очень меня радует перспектива воевать с каждым встречным шерифом...

Ребята одобрительно кивают – по-видимому, эта мысль пришла в голову не мне одному.

Спутник комполка усмехается.

– Да, над этим тоже пришлось голову поломать... Формально сейчас в США объявлен повышенный уровень угрозы, начато развертывание войск и анонсировано проведение различных спецмероприятий. Было даже предложение присвоить всем нашим бойцам, которые задействованы в данной операции, временные звания военнослужащих армии США – но это оказалось невозможно чисто с юридической стороны. Да и потом... все, что в этом случае будет вами обнаружено и изъято, – является собственностью армии США! А это не устраивает уже нас. Понятно, что тот самый ядерный фугас никто вывозить в Россию не собирается... но ведь там может быть не только этот фугас...

Вот даже как? Да уж... я уже несколько иначе начинаю смотреть и на эту сторону работы особистов... Пришлось парням голову поломать!

– Короче, один вариант все же нашли. Не самый лучший, но... – разводит руками полковник. – Согласно законам США, федеральные маршалы могут создавать вооруженные отряды и предоставлять полномочные статусы своим помощникам, которые исполняют их поручения. Они даже шпионов могут искать и границы охранять. Правда, маршалы не могут вербовать солдат, несущих службу и находящихся в форме, но имеют на это право, если вербуемые не на дежурстве и в гражданской одежде. Но, поскольку никто из вас не состоит на службе в американской армии, и уж тем

более не одет в их форму...

Он усмехается.

– Так что будете ловить сбежавших заключенных.

– А они в реальности-то существуют? – усомнился кто-то из ребят.

– Думаю, – смотрит особист на часы, – что они уже сбежали... или сбегут в самом ближайшем будущем. Понимаю, что легенда, откровенно говоря, так себе... но никакой другой нет. По крайней мере, есть шанс, что перестрелка не начнется сразу же при встрече с каким-нибудь полицейским патрулем. Все документы на членов отряда будут готовы уже через пару часов. А соответствующие решения местных судов тоже не заставят себя долго ждать. Так что ордера на право обыска строений и помещений вам тоже предоставят. Но уже непосредственно на месте.

Уже перед посадкой в самолет, в неведомо какой раз проверив все снаряжение и оборудование, я присел-таки перевести дух. И в это время рядом со мной появился Снежный. Своим видом он здорово напоминал кота, который только что упер из хозяйского холодильника целую вязанку сосисок. Сколь я его помню, а таким видеть не приходилось.

– Сидишь, лентяй? – плюхается он рядом.

– Отдыхаю! На что имею полное законное право – ибо свою часть работы я уже выполнил!

– Так то – свою! А товарищам помочь?

– Оные товарищи послали меня по известному адресу, – хмыкаю в ответ. – Мол, и без меня проблем хватает. А тут еще и коллеги Павла Васильевича над душой стоят...

– Эти могут! – кивает мой товарищ. – Еще как могут!

Его рука ныряет в карман и появляется с пригоршней семечек.

– Грызи!

А что? Занятие – ничуть не хуже прочих...

– Слушай, а какого вообще рожна мы амерам помогаем-то? Ну, хренакнет там у них... нам-то с того какая печаль? – задаю я ему вопрос, который давно уже вертится на языке.

– Да как тебе сказать... Враг-то у нас с ними общий.

– Угу. Только вот не особо там к сотрудничеству народ расположен, как я погляжу. Вот спеси и поубавилось бы!

– И так может быть. Но и по-другому – тоже вполне вероятно. Аткинс с вайнами как-то вот добазарился! Остров у австралийского побережья – так вообще он и арендовал у Сиднея! Или ты думаешь, что ихний президент шибко правильный и идейный? – прищуривается Слон.

– Не факт... Это уж как подойти! Если они свою выгоду в таком союзе увидят – всем покислеет очень быстро!

Подполковник кивает.

– Вот! А ты – пушай, мол, сами свои бомбы обезвреживают! Может быть, смогут – и тогда нос кверху. А может – и нет... Ихний главный к своему креслу, однако, гвоздями

не прибит – скинут, когда припрет! Припомнят ему много чего! Да и потом...

Он оглядывается по сторонам.

– Сколько бомб заложено?

– Ну... Особист про один фугас, вообще-то, говорил...

– А групп – пять! И что ищут остальные четыре?

Интересная постановка вопроса! С этой точки зрения я нашу операцию пока не рассматривал... о чем тотчас же и поведал.

– А стоило бы! – фыркает мой друг.

– погоди... так мы знаем, где он лежит?!

– Мы засекли пять точек работы генераторов искажения.

А фугас – только один! Что прикрывают остальные? ПодумаЙ! А заодно, – поднимается он с места, – прикинь, что могли бы там найти американцы...

А дальше все было как-то буднично. Загрузились, взлетели. Сели, дозаправились... Кое-кто даже задремал. Не упустил своего и я.

Разбудила меня не сирена, а чья-то рука, потрепавшая за плечо.

– Подъем, боец. До точки выброски полчаса, – сообщил бортмеханик.

Продираю глаза, сажусь поудобнее и осматриваюсь. Большинство ребят уже проснулись, проверяют снаряжение и тихонько переговариваются.

Что ж, займусь и я полезным делом... надо грузовые контейнеры еще раз осмотреть.

Время пролетело совсем незаметно.

– Приготовиться! – каркнул динамик.

– Подъем! Проверить снаряжение!

Мне проще и привычнее, все же дело давно знакомое.

Загорелось на переборке табло «Готовность».

– Фалы пристегнуть!

Выскочивший откуда-то бортмеханик совместно с другим членом экипажа уже возятся около контейнеров с грузом.

Взвыли привода, поползла вниз аппарель – и в кабину ворвался прохладный забортный воздух.

– Высота – тысяча двести метров! Приготовиться к выброске!

Звуковой сигнал – пошли!

Есть что-то особенное в прыжке с парашютом – в каждом прыжке. Эти несколько секунд свободного полета, когда воздух свистит в ушах и захватывает дух!

А потом – привычный рывок. И скорость резко уменьшается...

Приземлились все нормально, никаких травм и прочих неприятностей. Место высадки – относительно ровная поляна около небольшой рощи. Даже контейнеры с грузом долго искать не пришлось.

Нашли, притащили к основному месту приземления.

– Собрать парашюты!

Тут все давно обговорено. Собранное добро тотчас же оттащили в сторону, побросав в эту кучу также и летные шлемы. Пшикнул баллон, распыляя какую-то химию... и то, что совсем недавно было грудой белого капрона, вдруг стало чернеть и прямо на глазах расплзаться во все стороны. Вот так... десять минут – и тут никаких следов парашютистов не останется. Кто не понял – это такой специальный парашют. Он не так удобен, как обычный, дико дорогой – но если его обработать химией, которая идет с ним в комплекте, превращается в кучу грязи. И пригоршню непонятных пряжек, колец и прочего. Иди гадай, что это за хрень такая здесь валяется...

Собрались, проверили оружие, взвалили на плечи рюкзаки и бодрой рысью потопали к дороге. Идти пришлось не слишком далеко – пару километров всего. Уже на подходе Слон вытащил из кармана мобильник и, набрав номер, протянул трубку самому говорливому из нашей команды – радисту.

– Hello? Chief Stewart? Jeff Clark speaking. Nice to hear you. We have already about the meeting place. How? Awaiting you in a few minutes⁷.

Наш «маркони» – капитан Николай Торшин – бегло говорит аж на трех языках. И, по утверждению преподавателей,

⁷ Алло? Шеф Стюарт? Это говорит Джефф Кларк. Рад вас слышать! Мы уже около места встречи. Как? Понял, ждем вас через несколько минут.

вполне способен сойти за своего не только в Штатах, но и в некоторых других (совсем, кстати, и не англоговорящих) странах. Мы, по правде сказать, тоже не такие уж лохи безнадежные и разговаривать по-английски можем. Но до него... словом, лучше пристыженно промолчать.

– Маршал на подходе, – поворачивается радист к подполковнику. – Сказал, что будет через несколько минут.

– Тогда прибавили ходу! Незачем заставлять ждать хорошего человека!

Впрочем, ему и не пришлось нас ожидать – мы успели раньше. Сложили рюкзаки на обочине, кое-кто даже банку с кофе откупорил. Не нашу – насквозь импортную.

Мы все, кстати говоря, весьма отдаленно напоминаем сейчас российских военнослужащих.

Камуфляж – стандартный натовский, причем не у всех один и тот же, обувь – тоже не наша, «маттерхорны»⁸. Оружие – штурмовые винтовки «ХеклерКох-416» и пистолеты «Глок-23». Внешне нас можно принять вообще за кого угодно.

Наш специалист по системам сигнализации и всяким электронным хитростям – капитан Павел Овчинников, щеголяет даже небольшой бородкой. Отчего напоминает какого-то опереточного героя из Средних веков. Ему бы вместо камуфляжа и штурмовой винтовки камзол, широкополую шляпу и шпагу: как есть испанец!

⁸ Известная марка военной обуви.

Еще один капитан в нашей группе – Олег Павловский – рыжеволос и худощав. Ирландец, может быть, и не чисто-кровный – но где-то рядом...

А уж командир... Здоровенный, с наголо бритой головой, на которой вдобавок красуется несколько шрамов, чем-то здорово смахивает на Джеффа Монсона. Есть такой боец смешанных единоборств – кстати, коренной американец! Не брат-близнец, разумеется, но похож здорово.

Так что сборная солянка из весьма колоритных личностей. Встретишь тут таких – хрен кто примет за заезжих спецназовцев. А вот за какую-то команду наемников – так очень даже запросто!

Где-то вдаль слышится звук мотора, усиливается... и из-за рощицы выруливает джип. С первого же взгляда бросаются в глаза эмблемы на капоте и дверях. Все ясно – перед нами тот самый федеральный маршал. Так сказать, наш на-ниматель...

– Будьте внимательны! – поворачивается к нам подполковник. – Норман Кларк – настоящий маршал, не однодневка какая-то! Реальный дядька, на службе уже шестнадцать лет! Куча всевозможных поощрений и прочего, изрядное количество лично задержанных преступников. Короче – вести себя с ним вежливо и уважительно, глупых вопросов не задавать! И думать, что отвечаешь!

Киваем, вопросов ни у кого нет.

Машина тормозит рядом с нами.

По знаку командира мы встаем.

Хлопает дверь, и на улице появляется маршал. Коренастый, рыжеусый и рыжеволосый мужик лет сорока. На поясе кобура с «глоком». Широкополая шляпа, из-под которой смотрят на мир внимательные глаза. Словом – типичный американский шериф... хотя он как раз и не шериф.

– Привет, парни! – здоровается он. – Кто тут у вас Джефф Кларк?

– Это я, чиф! – приподнимает руку в приветствии Торшин.

– Ага! – кивает маршал. – Правильно ли я тогда понимаю, что вон тот здоровяк – Боб Майерс?

Слон наклоняет голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.